
ТЕЯ АГЕЛИС
ДРЕВЕСНИЦА:
КРОВЬ ДРЕВНЕГО ЛЕСА
Темное романтическое фэнтези

Тея Агелис

Древесница: Кровь древнего леса

https://litres.ru/74982362
SelfPub; 2026

Аннотация

В день, когда дезертиры сожгли ее дом, Лея не проронила ни слезы. Вместо страха под ее кожей проснулся древний зов: земля ожила, а корни деревьев стали продолжением ее вен. Она — древесница, чья дикая магия способна оживлять саму природу, но взамен требует цену.

Ее единственным союзником становится Мариус — воин-берсерк со звериной яростью в крови и темными секретами. Связанные опасной сделкой, они идут навстречу древнему святилищу, где истончается граница миров. На их пути встают орды кровожадной нечисти и безжалостные ведьмы Сестринства, готовые разорвать плоть ради запретной силы.

Среди пепла горящих крепостей, свиста клинков и смертельных схваток рождается связь сильнее любого колдовства — притяжение, обжигающее душу и пугающее не меньше орд мертвецов. Но когда за спиной рушится мир, а вокруг смыкается тьма, Лее придется сделать невозможный выбор: отдать жизнь

древнему лесу или вырвать из цепких лап смерти того, кто стал для нее единственным смыслом дышать.

Содержание

Пролог. Пять лет назад 5
Глава 1. Побоище 11
Глава 2. Тот, кто нашел. 24
Глава 3. Смерть и воскрешение 34
Глава 4. Нить 49
Глава 5. Ярилин день 59
Глава 6. План «Б» 79
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Тея Агелис
Древесница: Кровь древнего леса

Пролог. Пять лет назад

Лес шумел над нами — негромко, приветливо, как старый друг, который рад твоему приходу. Солнце пробивалось сквозь кроны редкими золотыми клиньями, и в каждом таком луче танцевали миллионы пылинок. Пахло хвоей, влажной землёй и чем-то сладким — то ли дикая малина поспела в низине, то ли просто утро было таким.

Мы с братом брели по лесным тропам, как делали это сотни раз. Я — следом, стараясь наступать ему в след, чтобы не хрустнуть веткой. Яков — впереди, с луком за спиной и той самой уверенной походкой, которую я пыталась копировать, но у меня выходило нелепо.

— Лея, гляди! — указывает на дикого зайца Яков. — Сможешь его подстрелить?

Я кивнула и стала натягивать тетиву. Прицелилась, глубоко вздохнула, задержала дыхание, как учил брат, и выпустила стрелу.

Стрела воткнулась в мох в трех шагах от цели.

— Ха! Слабачка. Ты же не ожидала, что с такого расстояния попадёшь. — Со смехом произнёс брат, хлопая меня по спине. — Нужно было ближе подойти.

— Я не слабая! — возразила я и пошла за братом, опустив голову, но ничуть не жалея о промахе — потому что сделала его специально. Я не могу убить столь милое животное. А вот за издевку я пнула брата по колену.

Мы пошли глубже в лес. Каждое дерево здесь я знала по имени. Вон та кривая сосна — мы с Яковом сидели на ней, когда я упала и разодрала коленку. Вон тот пень — отец рубил на нем дрова, и я собирала щепки, чтобы помочь. В лесу я всегда чувствовали себя свободно. Лес был моим домом.

— Смотри, как надо, — прошептал Яков.

Он присел, натянул тетиву. Кролик пасся у болота, не чуя опасности. Тетива звякнула — стрела вошла точно в голову.

Яков обернулся, ожидая восхищения. Я смотрела на него с полуприкрытыми глазами, изображая скуку.

— Ладно, не стоит оваций, — усмехнулся он. — Стой тут. Я спущусь сам.

Я и не собиралась лезть в болото. Я смотрела, как брат удаляется, как вдруг — топот.

Копыта. Гулко, тяжело, близко.

Я рванула на звук, не думая. Сквозь кусты, через поваленные стволы — и замерла.

Он стоял в трех шагах. Белый олень. Огромный. Рога — как корона, шерсть отливала серебром, будто ее полировали

лунным светом. Он смотрел на меня. Не как зверь на человека. Как будто узнавал.

Я сделала шаг. Он не отступил. Второй — и он развернулся, метнулся в чащу. Я — за ним.

Мы бежали долго, пока лес не расступился перед поляной. Светлой, открытой, усеянной одуванчиками. Олень вышел в центр — и замер.

Он привел меня сюда. Нарочно.

Я выдохнула и только тогда заметила стаю на противоположном краю. Волки. Крупные, черные, с глазами, что тлели красным, как угли в золе. Они не выли. Они смотрели.

И только сейчас я увидела: между ними — белая туша. Еще один олень. Растерзанный.

— Олень смерти моей хочешь? Зачем сюда привёл? — тихо прошипела я, пятясь назад.

Но предательская ветка хрустнула и они все повернулись ко мне.

И только сейчас я заметила: волки грызли большую белую тушу с рогами. Это тоже был олень… Мое сердце сжалось за него.

Белый олень последний раз посмотрел на меня — жалобно — и убежал в другую сторону. Я последовала его примеру и побежала со всех ног обратно.

Я неслась, пока хватало сил. Ветки хлестали по лицу, легкие горели. Волки — за спиной. Я слышала их дыхание, тяжелое, влажное, совсем близко. Это были монстры, а не вол-

ки. Обычные волки не стали бы бросать свой обед, чтобы гнаться за человеком.

Я обернулась. Они в паре шагов. Я споткнулась о корень. Упала, приложившись ладонью к земле. И на секунду — только на секунду — я увидела всё. Корни. Тысячи корней под землей, они тянулись, дышали, шевелились. Каждая ветка над головой. Каждый муравей под корой. Я чувствовала все и не понимала ничего.

Я закрыла глаза от страха — и мир вывернулся наизнанку. Когда я открыла их снова, то под ногами был не лесной мох, а болотная жижа. Я оглянулась, а волков уже не было и меня тут же вырвало сегодняшним завтраком.

Где-то недалеко начал кричал Яков. Я попыталась крикнуть в ответ — и не смогла. Голос пропал. Совсем. Я открывала рот, как рыба на песке, а воздух выходил без звука.

Только через минуту, когда страх отступил, я услышала свой хриплый голос.

— Лея! Я не хочу сейчас играть в прятки, пора домой! — кричит Яков.

Я продолжала лежала под кустом, трясясь. Как я здесь оказалась? Это было… что? Сон? Удар головой?

Я медленно поднялась. Сердце колотилось так, что я слышала его в зубах. Яков заметил меня — нахмурился, уже готовый читать нотации.

Мы шли домой в тишине. Я молчала, перебирая в голове случившееся. Закат разлился по небу багрянцем, и мне по-

казалось, что даже небо сейчас кровоточит.

— Лея, — Яков тронул меня за плечо, и я вздрогнула так, будто он меня ударил. — Ты бледная как смерть. Что случилось?

Я посмотрела на него. Хотела сказать «ничего». Но слова вырвались сами:

— Я видела волков, Яков. Больших. Чёрных. С красными глазами.

Он остановился. Посмотрел на меня странно — не насмешливо, а внимательно.

— Красноглазых не бывает, — сказал он тихо. — У нас в лесу водятся только серые. А если ты видела чёрных… — Он не договорил. — Это были не волки, Лея.

— А кто?

— Не знаю. Никто не знает. Дед Бажен говорит, что в лесу живут духи. Но он много чего говорит.

Я хотела спросить ещё, но брат взял меня за руку и потянул к дому.

— Забудь, — сказал он. — Чего не понимаешь — того не трогай.

***

Я возвращалась к тому дубу каждый день. Садилась, прижималась спиной к коре, зажмуривалась до искр в глазах — и ждала. Лес молчал. Только муравьи ползли по ногам, да сухая хвоя сыпалась на голову. Ничего.

Я так и не поняла тогда, что со мной случилось. Мать го-

ворила — приснилось. Отец — почудилось со страху. Но шрамы на ладонях, которые я разодрала о корень, зажили только через две недели.

Но спустя пару лет знахарка обронила, будто невзначай:

— Белые олени — это проводники. Между мирами. Если он тебя находит, значит, ты уже мертв, или скоро умрешь. Или… — Знахарка запнулась. — Или ты должна стать кем-то другим.

И я тогда я точно поняла: это было не сном.

Глава 1. Побоище

— Ещё пива, женщина! — гаркнул мужик из другого конца таверны.

Я обернулась, зажав под мышкой две пустые кружки.

— Да несу я, несу! Ты тут не один, болван! — Голос сорвался на крик — в таверне стоял такой гам, что собственные слова казались чужими.

Сегодня в нашей семейной таверне яблоку негде упасть. Шум и вонь — в горле першит от одного дыхания. Король Энрих разбил крагианцев — и теперь вся округа празднует так, будто сама ходила в атаку. Война длилась четыре года, и даже до нас, в глухую лесную деревню, долетали слухи о потерях — молодых парней, которые ушли на север и не вернулись.

Но сегодня не время для печали. Сегодня — победа. А значит, пиво льется рекой.

Я пританцовывала у стойки, разливала хменьное по кружкам и краем глаза следила за музыкантами — они выводили такое быстрое соло, что у меня самой ноги шли в пляс. Пахло здесь всем сразу: пряным хмелем, жареным мясом с чесноком, дешёвым табаком и… потом. Свечи в железных подсвечниках на стенах чадили, жёлтый свет прыгал вместе с музыкантами. В углу у камина кто-то спал, уронив голову прямо в миску с похлёбкой.

Я зажала четыре кружки в руках — криво, неуклюже, по-бабьи. Яков бы удержал и десять, одной левой. Но Яков сидел за дальним столом и не видел, как я едва не расплескала пиво на голову какому-то храпящему парню.

Я подошла к четырём мужикам — все одеты скромно, на каждом обычный серый кафтан. Они о чём-то спорили, но при моём приближении один из них, с большим шрамом через всю щёку, понизил голос и заговорил вполголоса.

— Я видел их в нашей округе, — говорил он. — Кожа серая, как болото, вся в лишайниках. Ходят горбатые, как кикиморы.

Я поняла, что он говорит про крагианцев.

— Да брось, шо ты брешешь, — отмахнулся сосед. — Ты не видел ни тех, ни других.

— А шрам этот, по-твоему, я где получил? — Шрамоголовый ткнул пальцем в щеку. — Я с крагианцами воевал!

— Ты на вилы напоролся, когда пьяный в свином говне лежал. Я помню, — сказал третий, и все захохотали.

Все, кроме одного. Тот сидел тихо, неподвижно, и как будто нервничал, переживал о чём-то. Его глаза бегали по залу, пальцы нервно теребили край стола. Он явно не был частью этой компании — скорее, случайный попутчик, застрявший среди чужих людей.

Мужик со шрамом пытался остановить хохот товарищей, но у него это плохо выходило.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться, когда шрамоголо-

вый покраснел. Но уголки моих губ дрогнули, и предательская улыбка скользнула по лицу. Он это заметил и зыркнул так, что я поспешила к стойке.

Я поставила пустые кружки на стол и уже хотела уйти, но разговор за соседним столиком привлёк моё внимание.

— Я слышал, король Энрих разбил крагианцев у Железного перевала, — говорил мужик за стойкой, пока я наливала ему пиво. — Говорят, их маги так и не смогли поднять туман, и королевская конница смяла их фланг за час. Теперь эти твари не сунутся к нам.

— А ты же знаешь, они не просто воюют — они еще детей воруют? — подхватил его сосед.

— Воруют? Зачем им дети?

— Для своих обрядов. Чтобы туман призвать. Или может чтобы съесть? — попытался пошутить мужик в грязной фуфайке, поднимая брови и ожидая реакции. Но никто не засмеялся.

Он кашлянул, понизил голос и продолжил:

— Но есть и похуже. Слышал про дезертиров? Третью деревню вырезали.

Я замерла с кружкой в руке. Мы все слышали про кражи людей и жестокие нападения дезертиров. К нам часто приезжал посыльный с объявлениями о пропавших детях из других сёл и деревень. Когда мы узнали, то все встали на уши — детей без присмотра больше никуда не отпускали.

В груди неприятно кольнуло. Я поставила кружку перед

мужиком и отошла, стараясь не думать о том, что всё это может коснуться и нас.

— Лея, налей ещё три кружки! — отвлёк меня от размышлений голос Якова.

Я кивнула, а он стал подходить ближе, пробираясь между столами и танцующими телами.

— Может, отдохнешь? — спросил он, положив руку мне на плечо. — Я за стойкой постою.

Яков всегда хорошо ко мне относился, в отличие от Ратибора, второго брата. В семье нас было трое. Ратибор, старший, много о себе возомнил и вечно твердил, что вышвырнет нас обоих, когда таверна перейдёт в его руки.

— Я в порядке. Как родители? Им не нужна помощь?

— Отец разделывает мясо, мать готовит, — пожимает плечами Яков. — Но нам тут всем нужна помощь. — с усталой улыбкой забирает три кружки и уходит.

Я проводила его взглядом и хотела уже вернуться к стойке, как вдруг из кухни высунулся Ратибор.

— Лея, не стой столбом, мёдом намазано? — его жирные волосы свисали на глаза. — Руки, чтоб кружки таскать, а не ворон считать!

Он зыркнул так, будто умалишенный. Впрочем, может оно и было, но я промолчала и отвернулась. Пусть давится своим ядом.

Я уже хотела подойти к бочке, чтобы налить себе воды, но вдруг заметила, как один из посетителей — тот самый

нервный мужик, который сидел с компанией шрамоголового — поднялся из-за стола и быстро направился к выходу.

Я посмотрела ему вслед и поёжилась. Что-то в его взгляде было не так. Что-то тревожное.

Но я не стала зацикливаться. У нас был праздник, и я должна была работать. В конце концов, завтра всё будет как обычно.

Я начала ополаскивать кружки и продумывать пакость для Ратибора, как вдруг громко распахнулась дверь.

В таверну ввалились пятеро мужиков с мечами и дубинками наготове. Разбойники?

На лицах — кривые ухмылки. Рубашки порваны, пропитаны грязью и потом. От них несло так, будто они не мылись со дня последней казни.

Таверна затихла. Музыка оборвалась на полуслове.

Отец вышел со стороны двора, вытирая руки о фартук. Голос его дрогнул, но он попытался улыбнуться:

— Доброго вечера, господа. У нас есть горячее. И пиво. — пытаясь сгладить обстановку, говорил отец.

Я нервно искала глазами Якова — он был слишком далеко, но я видела злость в его взгляде. Он понял.

— Конечно отведаем, хозяин. — сказал один из них, как мне показалось, самый главный. Он был выше и крепче всех, шёл впереди. На голове и лице — ни волоса, даже бровей нет. Рука перевязана в районе локтя. Ухмылка не сходила с его лица.

Под шумок перешёптывающихся гостей они подошли ближе к стойке, и я разглядела их получше. Все грязные, будто долго были в дороге. У одного — военная куртка с оборванным рукавом, на месте значка отряда — пустота. Дезертиры.

— Ой, красавица, налей-ка нам пива, порадуй нас. — сказал тот, кого я поначалу не заметила: маленький, худощавый.

Я напряжённо повернулась к бочке.

— А может, ещё чем порадуешь? — подмигнул главный. Я отвернулась, сделав вид что не услышала. Как и мой отец. Никто не хотел неприятностей.

— Всем пива за наш счёт! — выкрикнул худой и сел рядом с главарём. На его лбу красовалось свежее кроваво-красное клеймо — пересечённый круг. Тоже дезертир, но уже один раз пойманный. Если его снова поймают, повесят и оставят на съедение воронам.

— Сударь, а будут ли у вас серебряные, чтобы оплатить столько пива? — осторожно возразил отец.

— Будут, — ответил мужик с клеймом. — Милочка, нам, пожалуйста, пиво и все серебряные, что у вас есть. — обратился он уже ко мне.

По залу пронеслись испуганные вздохи, люди начали потихоньку уходить. А я встала как вкопанная, не в силах ничего сказать или сделать.

— Да чего непонятного? Деньги и еду быстро! — поднялся из-за стола тот самый мужик со шрамом.

Он достал длинный кинжал из-за пазухи и вогнал его в шею соседа — Бажена, крепкого мужика, который ещё не успел подняться с места. Ударил не сбоку, а прямо в кадык.

Я услышала, как хрустнул хрящ.

Бажен упал на колени и начал собирать кровь с пола — горстями, будто пытался запихнуть её обратно. Пальцы скользили. Губы шевелились, но вместо крика — только мокрый, булькающий звук. Тело обмякло за секунды и безжизненно рухнуло на доски.

В таверне поднялся крик. Люди бросились к выходу, падали, топтали друг друга. Музыканты побросали инструменты. Мой взгляд упал на Якова: он пытался помочь упавшим, поднимал их. И в тот же миг я увидела, как нож вошёл Якову в грудь — туда, где под рубахой висел на кожаном шнурке зуб волка, его первый трофей.

Я смотрела, как нож входит в грудь Якова. И вдруг моя собственная грудная клетка будто сжалась — так, что ребра захрустели, а воздух вырвался одним сиплым, беспомощным звуком. Я хотела закричать. Вместо этого я услышала, как бьётся мое сердце — гулко, медленно, будто оно тоже умерло.

— Нет, — вырвалось тихо из губ. Слёзы обожгли щёки — горячие, солёные, страх сковал тело.

— Лея, БЕГИ! — крикнул отец, бросаясь на главаря, который стоял ближе всех к стойке.

В глазах потемнело. Я попятилась назад, упёршись в стол.

— Надо бежать, надо бежать, — шепчу, пытаясь заставить себя.

Через мгновение я рванула в сторону кухни, где мать готовила еду. Услышав крики, она вышла из комнаты.

— Заходи обратно! — кричу я, отчаянно махая руками, привлекая её внимание.

Рядом с матерью я обернулась на отца. Меч вошел в его спину, пробив кожаную безрукавку насквозь. Он упал на колени, пытаясь схватить лезвие голыми руками. Его последний взгляд упал на меня и губы что-то неразборчиво прошептали.

Я на секунду остановилась, в ушах зашумело. Во рту появился горький привкус железа.

— Отец…

Меня привело в чувство то, что лысый дезертир указал на меня своим мечом и выкрикнул какой-то указ. Я попятилась назад и схватила маму за руку. Потянула на кухню.

— Лея… Что… что происходит? — заикаясь, произносит мать. Её глаза краснеют, наполняются слезами. Я пытаюсь сдвинуть шкаф к двери.

— Дезертиры. — кратко отвечаю. — Прошу, помоги.

Мать ещё секунду теряется, вслушиваясь в крики и звуки ударов из зала, потом начинает толкать шкаф вместе со мной. Наконец нам удаётся его передвинуть. И в тот же миг кто-то яростно начинает долбиться в дверь.

— Красавица, открывай. — протяжно пропел один из де-

зертиров.

Я со страхом взглянула на мать — она дышала быстро, прерывисто, по щекам текли слёзы. Увидев её состояние, я почувствовала, как сердце окончательно разбивается. Яков мёртв, отец — тоже.

— А где Ратибор? — я стала оглядываться по сторонам кухни. — Он же был с тобой?

— Он.. в.. вышел в зал.

Я не верю. Неужели это конец нашей семьи. Неужели сейчас откроют дверь и нас с мамой тоже не станет.

— В окно… Бежим через окно, Лея. — промямлила мама и попятилась.

Мы начали скидывать утварь с подоконника, торопливо, грубо. Заметила на столе нож, я сунула его за пояс и, очистив подоконник, резко запрыгнула на него. Спустилась на улицу.

— Давай, мама, я помогу. — тихо говорю, протягивая руки.

Моя мама — женщина полная, но она ловко поднялась, уперевшись коленями. Но вдруг её лицо становится… спокойным. Она смотрит не на меня — за спину. И шепчет: «Беги, милая».

Я увидела, как меч пронзил её грудь. Густая кровь плеснула на моё лицо.

Я не моргнула. Я даже не дышала. Тёплое на коже — это мамина кровь. Эта мысль пришла не сразу, а через несколько ударов сердца, когда тело матери уже вываливалось из окна.

— Мама… — это был не голос. Это воздух выходил из меня.

Тело упало рядом, чуть не задев меня. Кровь хлынула на землю, быстро образовав лужу. Запах — резкий, металлический, теплый — ударил в нос, и меня чуть не вывернуло.

Я не могла отвести взгляд: мамина кровь растекалась по земле, впитываясь в прошлогоднюю листву и мох, и становилась черной, как грязь.

— Ну куда ты бежишь? Подожди меня. — окликнул дезертир со шрамом — тот самый, что убил Бажена, — и выпрыгнул из окна следом.

Я побежала. Мчалась так быстро, как только могла, в сторону леса — единственного места, которое знала хорошо. Закат стоял кроваво-красный, под стать происходящему. Лёгкие начали сдавать, я не слышала ничего, кроме пульсации в ушах. Обернулась всего на секунду — и в тот же миг дезертир набросился на меня, тяжелый, как могильная плита.

— Гуннар любит таких строптивых. — прохрипел он.

Голос его был влажным, склизким, он тек по моей щеке вместе с его слюной. Я дернулась — он припечатал меня к земле всем весом, и из груди вырвался не крик, а тонкий, сдавленный всхлип.

Но я не перестала двигаться.

Рука метнулась сама — мой локоть врезался ему в переносицу. Я почувствовала хруст, как сломалась кость, услы-

шала его сдавленный рык и одновременно с этим поджала колено, ударила наотмашь, в пах, со всей силы, что осталась в моем теле. Он дернулся, ругательство сорвалось с его губ, но слова тонули в звоне у меня в ушах — я их не разбирала. Только чувствовала, как на миг ослаб хват его пальцев на моем запястье.

Этого мига мне хватило.

Я оттолкнула его — резко, откатилась вбок, в мокрую траву, и рванула вперед, на четвереньках. Сердце колотилось где-то в горле, ноги скользили по земле, пальцы впивались в землю, я не оглядывалась — просто ползла, бежала, молилась, чтобы он не успел, *только бы не успел, только бы еще немного...*

— Не уйдешь, маленькая тварь!

Его рука схватила меня за лодыжку — пальцы стальные, горячие, впились в кость. Меня дернули назад, и я вскрикнула — уже не всхлип, а злой, отчаянный крик, — развернулась, готовая бить снова, царапать, кусать, лишь бы не дать ему навалиться. Но он уже заносил кулак.

Удар пришелся в скулу. Мир не потемнел — он *взорвался* белым ослепительным всполохом, а потом осыпался черной крупой. Звон в ушах был таким громким, что я не сразу поняла, что он бьет снова. В живот. Раз. Два. Воздух вышибло из легких, и я сложилась пополам, хватая ртом траву, пахнущую землей и прелью. Слезы навернулись сами — горькие, обжигающие, но он их не видел. Ему было все равно.

Я слышала, как скрипнул его пояс, как дернулась ткань штанов. Холодный воздух коснулся ног, когда он рванул мою юбку вверх — грубо, с треском, будто рвал мешковину. Пальцы его впились мне в бедра, оставляя горящие следы.

В голове осталась только мысль, острая и ледяная: *«Сейчас»*.

Рука дернулась за спину сама. Пальцы нащупали рукоять — холодную, шершавую. Я не думала. Я не молилась. Я просто выгнулась, как змея, и с криком — нет, с воем, каким воют звери в капкане, — всадила нож туда, куда целилась.

В глаз.

Нож вошел не сразу. Сначала был рывок — плоть подалась туго, с противным, мокрым *чваканьем*. Я почувствовала, как лезвие скребет по кости глазницы, как вибрирует рукоятка в моей ладони от его судорог.

Он замер. На одну долгую, тягучую секунду.

Дезертир не закричал сразу. Его руки отпустили мою юбку и медленно поднялись к лицу. Он попытался вытащить нож, но пальцы скользили по крови. И тогда он заплакал — этот здоровый мужик плакал тихо, как ребёнок. Я смотрела на это, и мне стало жутко: не только от него, но и от самой себя. Дезертир упал прямо на меня, заливая мою одежду кровью. Я с трудом вылезла из-под его тела.

Поднимаясь, обернулась к таверне. Оттуда больше не доносилось ни криков, ни ударов.

Тишина навалилась на уши, как вата — глухая, давящая,

неестественная. Я слышала только собственное дыхание и стук сердца, который, казалось, должен был разбудить мёртвых.

Я стояла над ним, тяжело дыша, и смотрела на свою руку. Она была в крови по локоть. Я сжала пальцы — они онемели. И вдруг поняла: я не чувствую страха. Вообще. Только пустоту и холодную ярость. Где-то в глубине должна была быть паника, тошнота, ужас от того, что я сделала. Но их не было.

Я убила человека. И мне было… всё равно.

Я смотрела на его тело и ждала ужаса. Ждала, что меня вывернет, что я упаду в обморок. Но вместо тошноты в груди разлилась странная, густая теплота. Это испугало меня сильнее, чем любой дезертир

Я медленно, хромая, побрела в сторону леса. За мной никто больше не гнался.

Глава 2. Тот, кто нашел.

Меня обвивал прохладный весенний ветерок, я ощущала чуть влажный аромат смолы елей и сосен. Я брела, и внутри было пусто. Так выжжено, что даже слёзы кончились. Только ноги двигались — сами, как у куклы, умело обходя все препятствия — слишком хорошо знали это место.

Я одна.

Мысль пришла тихо, но ударила больнее любого ножа.

У меня нет семьи.

Дальше — шёпотом, но отчётливо — мысли зашептали. Что мне делать, когда приду в другую деревню? Какое у меня будущее? Меня выкрадут работорговцы? Продадут горбатиться за пятерых, либо в публичный дом?

Если повезёт — я просто умру здесь, в этом прекрасном хвойном лесу. Красота вокруг, а внутри — пепел.

Недалеко послышался шелест листвы. Я сразу подумала о волках. Их тут много, но в это время они обычно сытые. Если не провоцировать, можно тихонько удрать.

Я чуть сменила траекторию, повернув на северо-восток, чтобы не наткнуться на неприятности. Не успела я сделать и шагу, как услышала стук копыт.

Обернувшись, я увидела большого белого оленя рядом с кустом можжевельника. Он смотрел на меня. Это был тот самый олень.

— Ну и чего ты сейчас пришёл и смотришь на меня так? Смерти моей снова хочешь? — сказала я из последних сил, облокотившись на дерево. Он только фыркнул в ответ.

— В этот раз я за тобой не пойду. Ты снова сбежишь и бросишь меня. — Я развернулась и пошла на восток. Но олень обогнал меня и встал передо мной, как живая изгородь. Я не понимала, чего он хочет. Он стоял так близко, что я невольно потянулась коснуться его, но он отпрянул.

— Гладить не даёшь, а идти мешаешь. И вкусного для тебя ничего нет, так что проваливай. — Я говорила так, будто он меня понимает.

Я собиралась его обойти, но он развернулся и пошёл рядом со мной. Я ещё раз протянула руку — он снова отступил и посмотрел на меня почти человеческим взглядом: «не делай так больше».

И так мы шли около нескольких часов — в тишине, вдвоём, под полной луной. Когда адреналин в крови кончился, меня накрыла слабость. Меня несколько раз вырвало от воспоминаний — олень смотрел глупо, но с интересом.

Я шла, но ноги стали чужими. Они двигались как-то отдельно от тела, тяжело, будто к каждой щиколотке привязали по камню. Каждый шаг отдавался в позвоночнике глухой, ноющей болью. Я смотрела вперёд и не могла понять, сколько еще идти. Глаза слипались, и деревья передо мной плыли, как отражения в мутной воде.

— Я больше не могу, — проревела я — и в тот же миг

споткнулась. Я уже летела лицом в землю, но олень успел подставить шею. Я почти лежала на ней, оперевшись всем телом. И мне стало чрезвычайно спокойно. Потянуло в сон, и одновременно я чувствовала нечто иное: силу, власть, энергию, исходящую от него. Он не был обычным оленем — я это понимала. Я попыталась поднять голову, но тело не слушалось. Сон накрыл меня, как тёмная пелена.

***

Я чуть приоткрыла глаза и увидела, как небо плывёт, а деревья проходят мимо. Хватило мгновения, чтобы понять: меня везут в телеге, наполненной сеном, сучьями и грибами.

Я повернулась, чтобы разглядеть возницу. Впереди сидел старик — голова седая, полулысая. Он выглядел маленьким, хрупким, сухим. Сидел, чуть сгорбившись на передке и держал поводья лошади скрюченными пальцами. Кобыла тоже была старая, худая и шла медленно.

— Вы кто? — спросила я, вглядываясь в его лицо. Что-то знакомое было в этих нахмуренных бровях, и в манере щуриться на солнце.

— Не узнаешь? — он усмехнулся, и морщины собрались у глаз. — Герасим я. Из Починка. Мы с тобой, когда кузнец лошадь подковывал, на лавке сидели. Ты ещё грушей меня угощала.

Я моргнула. И правда. Тот самый дед, который часто сидел у кузницы с вязанкой хвороста и ругал собак, если те лаяли на лошадей. Я видела его раза три, может, четыре. Но он

запомнился — добрым, болтливым, совсем не страшным.

— Вспомнила, — кивнула я, и внутри чуть отпустило. Не совсем чужой человек. Почти сосед.

— Ну вот и славно, — Герасим хлопнул себя по колену. — А я уж думал, совсем старая рожа из памяти выветрилась.

Дед говорил мягко, по-доброму, даже с заботой, но смотрел на меня с испугом. Конечно, я была вся испачкана кровью… Не своей.

Починок я знала — совсем небольшое селение, образовалось недавно. Мы там были много раз с Яковом и отцом. Там хороший кузнец — чинил нам инструменты и угощал меня яблоками и грушами. Может, он сможет помочь добраться до дома.

Пока я лежала, думала: надо вернуться, устроить прощание, похоронить семью. При этой мысли слёзы снова подступили к горлу.

— Есть хочешь? Я могу угостить тебя хлебом. — Герасим покопался в седельной сумке и протянул мне кусок ржаного хлеба.

— Спасибо. — Я приняла еду с благодарностью, склонила голову и начала есть не спеша.

— Скажи дедушке, что случилось, — попросил он. — Может, помогу.

— Дезертиры напали на мой дом. Убили всех. Я смогла сбежать. — Голос мой звучал глухо, даже для самой себя. Я старалась выдать всё кратко и быстро, как на духу, чтобы не

вдаваться в подробности.

— Ох, горе-то какое… И куда ты сейчас?

— Я пока не знаю. Но мне нужно вернуться в свою деревню.

— Ох, внучка, внучка… — старик замотал головой, и в его голосе вдруг прорезалось что-то надломленное, почти родное. — Эти дезертиры проклятые и на мою деревню напали. Они внучку мою родную украли! Варвары проклятые, да чтоб им сквозь землю провалиться, — начал ругаться старик и махать кулаками.

— Это давно случилось? — спросила я с сожалением, но и с удивлением тоже — слишком уж свежо звучала его боль.

— Да вот недавно. Я на рыбалке был. Уже возвращаюсь домой — и такую громадную щуку поймал! Думал, сейчас внучке покажу, она как всегда сначала испугается, а потом смеяться начнёт. Так не тут-то было. Не успел из леса выйти, слышу — крики. Ужасные такие. А кричит — моя внучка. Дома больше никого нет, только мы вдвоём с ней живём, родители у неё умерли. Захожу я во двор — вижу этих разбойников. С дубинами, да мечами. Я кричу им: «Что ж вы делаете, варвары?» А они мне: «Девку твою забираем». Я за ними погнался, а они меня дубиной как хрясь по башке — так я и отрубился. И больше ничего не помню.

Он замолчал, и я заметила, как его скрюченные пальцы сильнее сжали поводья.

— Мне жаль, — сказала я. И правда жалела. — Нужно

съездить к наместникам и рассказать, что тут творится, они должны помочь.

— Я пытался, но толку никакого.

К вечеру мы добрались до окрестностей Починка. Я уже узнавала эти места — вон тот холм, за ним луг, а дальше кузница моего знакомого. Солнце клонилось к закату, воздух наполнился медовым запахом цветущих лип, и где-то вдалеке брехала собака — обычный деревенский вечер, какой я видела сотни раз.

Наконец мы остановились у ветхой избы, почти сросшейся с землёй. Стены осели, крыша поросла мхом, но за оградой виднелась старая яблонька и неухоженный огород. А рядом с домом — одна-единственная клумба, усаженная яркими цветами: жёлтыми купавками, синими колокольчиками, алыми маками. Кто-то явно ухаживал за ней с любовью.

Герасим слез с телеги, помог мне спуститься — и тут я заметила, как он оглядывается. Будто ждёт кого-то.

— Проходи, — сказал он, открывая дверь. — Переночуешь, а завтра домой тебя отвезу, если тебе так нужно вернуться.

Я зашла внутрь. Пахло сушёными травами, старым хлебом и ещё чем-то кислым — то ли квашеной капустой, то ли немытой посудой. Домик был неопрятный, с кривым полом и стенами, посеревшими от времени. Массивная печь, вся в копоти, давно не знала побелки. Я села на лавку рядом с кухонным столом, на котором было шаром покати — ни

крошки, ни кружки.

— Я сейчас ужин сварганю. — сказал он, не оборачиваясь, ставя воду на печь. — Сделаю овощное рагу, пальчики оближешь. — В его голосе звучала такая тёплая, почти дедовская забота, будто я и правда была его внучкой, вернувшейся домой.

— Расскажи о своей внучке, Герасим, — попросила я, машинально теребя ремешок на талии.

— Да что о ней говорить, — он загремел чугунком у печи, швыряя туда нарезанные овощи и горсть сухой травы. — Звать Златой. Весёлая девка, добрая. Как-то раз притащила домой воробушка со сломанным крылом, чтобы выходить. И выходила, представь себе. Улетел же. Но всё ещё возвращается к ней, на окошко садится. — Он помолчал, помешивая деревянной ложкой, и голос его стал глуше. — Она, конечно, не была такой высокой и крепкой, как ты, но тоже красавица. А откуда ты вообще такая? — Герасим усмехнулся, разглядывая меня поверх котелка. — Тебя что, сеном кормили?

В его голосе мелькнуло что-то похожее на искреннюю усмешку — и я невольно улыбнулась в ответ.

— Я в отца пошла, — сказала я, и внутри что-то дрогнуло при слове «был», но я сдержалась. — Он у нас был — прям как медведь. И характером, и силой.

— И что же, дочка, медвежат воспитывал? — Герасим подкинул в котелок ещё щепотку трав.

— Ага. Братья с отцом на мечах учились драться, а я в ку-

стах сидела, подглядывала. Потом сама из палок мечи мастерила. Пока Яков меня не застукал, как я дерево побеждаю. — Я улыбнулась, и в груди потеплело. — Он сперва разозлился, а потом рассмеялся и сказал, что буду с ними заниматься.

Я запнулась. На миг стало тихо. Герасим молча помешивал рагу.

Я замолчала, глядя на огонь.

— Боевая. — сказал он наконец, поворачиваясь ко мне. В глазах его мелькнул неожиданный блеск. — Редко это для девчонки. А знаешь, у меня тогда для тебя кое-что есть.

Он быстро вытер руки о штанины и, раскачиваясь на ходу, подошёл к деревянному сундуку в углу. Дед со скрипом откинул тяжёлую крышку и начал шарить внутри, что-то бормоча себе под нос.

— Ну вот же он, нашёл. Как давно его не видел, — донеслось из глубины.

Герасим медленно повернулся ко мне и пошёл в мою сторону, держа в руках кинжал. Охотничий. С костяной рукояткой, в тканевом чехле. Он вытащил лезвие — и луч закатного солнца, пробившись в мутное оконце, блеснул на стали.

— Возьми его, пожалуйста, — сказал он, протягивая оружие двумя руками. — Он мне уже ни к чему, и смотреть на него больно. А ты многое пережила. Пусть он будет для тебя защитой.

Я замешкалась. Неужели он мне так доверяет, что даёт оружие в руки? Или хочет показать, что мне не стоит его бо-

яться? Но кинжал был хорош — лёгкий, остро отточенный, рукоять удобно легла в ладонь.

— Спасибо, — сказала я, держа кинжал обеими руками. — Надеюсь, не пригодиться.

Вода вскипела, и Герасим налил мне в деревянное корытце тёплой воды. Я смыла запёкшуюся кровь, привела волосы в порядок. Потом он нашёл какую-то рубашку Златы — холщовую, вышитую по вороту синими васильками. Ей она была великовата, а мне пришлась почти впору.

— А теперь ужинать, — объявил Герасим, ставя на стол чугунок. — Сейчас пальчики оближешь, внучка. Злата всегда просила добавки.

Пар от рагу поднимался густыми клубами, разнося по избе сытный, пряный запах.

Мы ели вместе, сидя друг напротив друга на лавках. Я пробовала осторожно — горячо, — а Герасим смотрел на меня с такой теплотой, будто я его родная. Он подкладывал мне лучшие куски, пододвигал хлеб, подливал в глиняную кружку кипяток с мятой.

— Вкусно, Герасим, — сказала я искренне, и он расплылся в улыбке, обнажив редкие жёлтые зубы.

— Ешь, внучка, ешь.

К ночи Герасим застелил мне место, где раньше спала Злата. Простыни пахли травами, подушка была набита мягким сеном. Он пожелал спокойной ночи, погасил светец, и я осталась одна в темноте.

Я лежала на боку, слушая, как шумят за окном деревья — незнакомые, чужие. Соловьи заливались в кустах, но их пение не успокаивало, а только напоминало, как пели соловьи в ту ночь, когда я шла через лес.

Старик тоже не спал.

Скрип половиц доносился с его половины снова и снова — он то вставал, то ложился, то подходил к окну. Один раз я услышала тяжёлый вздох, похожий на всхлип. Потом он долго молился вполголоса, и я разобрала только одно слово: «Прости».

Только под утро веки отяжелели, и сознание провалилось в какую-то липкую, тягучую тьму.

Глава 3. Смерть и воскрешение

Петух ворвался в сон раньше, чем я успела увидеть его лицо. Чужой, горластый, он надрывался где-то за огородом, и в его крике слышалось такое отчаяние, будто его и правда резали. Я дернулась, приподнялась на локтях, и мир качнулся.

Низкий потолок давил. Копоть на бревенчатых стенах вилась причудливыми узорами, пахло сухой мятой и застарелым дымом. Несколько мгновений я смотрела в одну точку, пытаясь вспомнить, как очутилась на этой жесткой лавке. А потом память накрыла — тяжело, с горечью в горле, будто кто-то снова ударил под дых. Вчерашний день, холод земли, пронзающая душу крики... Я потерла живот — там все еще горела боль, а на скуле осталась ссадина.

У печи возился Герасим. Он ловко орудовал ухватом, задвигая чугунок в самое пекло, и, когда я завозилась, обернулся. Та же улыбка — теплая, морщинистая, какая бывает только у старых дедов, которые уже ничего не боятся.

— Очнулась, внучка? — голос его звучал глухо, но ласково. — А я кашу сварганил. С тыквой, по-нашему. Поешь — силы нужны. Соберемся — и двинем, как обещал. Домой тебя отвезу.

Я кивнула, хотя внутри все еще ныло — та глухая, вязкая боль.

Стол под моими руками качнулся, едва я оперлась о него

— доски были старые, шаткие. Каша дымилась, янтарная, густая, с масляной лужицей посередине. Я брала ложку за ложкой, чувствуя, как тепло расползается по животу, но вкуса почти не различала. Герасим сел напротив. Смотреть на него было неловко — он не отрывал взгляда. Не моргал. Просто сидел и будто вплетал каждую мою черточку в свою память: как я держу ложку, как опускаю ресницы.

— Коса у тебя что медный шелк, — вымолвил он наконец, и голос его дрогнул. — Светлее, чем каштан. И глазищи — как омуты, синие. А моя Златка другой была... чернявая. Словно уголек.

Я промолчала. Что тут скажешь? Чужой старик вспоминает свою возможно мертвую внучку, а я сижу на ее месте, в ее рубахе. Ложка звякнула о край миски — слишком громко в тишине избы. Герасим вздохнул и поднялся, стряхивая с коленей невидимую пыль.

Когда я вышла на крыльцо, телега уже ждала. Лошадь, косматая, с тяжелой головой, перебирала копытами, мотая хвостом. Мы устроились на передке — доски скрипнули под нами жалобно, как живое. Герасим хмыкнул, дернул поводья.

Мы выехали со двора, свернули на вчерашнюю лесную дорогу — но через версту, вместо того чтобы повернуть к деревне, Герасим погнал лошадь дальше в лес — туда, где деревья смыкались над головой плотной, почти черной стеной. Я вцепилась в край телеги.

— Куда ж ты, дед? — голос мой сел, прозвучал тонко, по-детски. — Там же глухомань.

Он не обернулся. Только дернул плечом, и голова лошади послушно повернула в чащу. Колеса ухнули в рыхлую землю, и солнечные лучи погасли, словно кто-то прикрыл небо ладонью.

— В твою деревню, но чуть в обход поедем. Та короткая дорога — через овраг, там корни, там мост старый. Моя кобыла ногу сломает. А здесь — путь ровный, ей легче. И безопаснее, к слову. В лесу сейчас тихо, а на той дороге разбойники шалят. Я старый, мне лишние встречи ни к чему.

Он говорил складно. Даже слишком. Слова лились легко, будто он репетировал их всю ночь, пока я спала. Но я видела его руки — костлявые пальцы сжимали поводья так, что побелели суставы. Я видела его спину — он сидел прямо, неестественно прямо, как наказанный ребенок. И ни разу не взглянул на меня. Даже краем глаза. Только вперед — в эту густую, смыкающуюся за нами стену леса.

Внутри у меня все сжалось. Холодок пополз от затылка вниз, по позвонкам, до самого копчика. Я вцепилась пальцами в край телеги — доски были шершавыми, нагретыми на солнце, но пальцы мои леденели. Лес вокруг был *неправильным*.

Я вслушивалась в шум леса, но слышала только стук собственного сердца, который отдавался в висках тяжелыми, глухими ударами.

— Герасим... — голос мой сел еще сильнее, я прочистила горло и попыталась говорить тверже. — А ты уверен, что это верная дорога? Мне кажется, мы проехали поворот. Вон там, у того камня, должна быть тропа к моей деревне.

Старик вздрогнул.

Коротко, резко — будто я ударила его по спине. Кобыла дернула головой, чувствуя напряжение хозяина, но Герасим не обернулся. Мышцы на его шее напряглись, кадык дернулся, когда он сглотнул.

— Нет, внучка, — сказал он. — Мы едем правильно.

И в его голосе я услышала то, отчего похолодела уже по-настоящему. Не убежденность. Не спокойствие. А *отчаяние*. Как будто он уговаривал сам себя, а не меня.

Телега скрипнула, ныряя в колею. Я смотрела на его спину и чувствовала, как страх разрастается внутри — липкий, холодный, он забирался под кожу, опутывал ребра, сжимал горло. Мне хотелось спрыгнуть, бежать, кричать — но ноги не слушались. Но было уже поздно.

Он натянул поводья у самого въезда. Перед нами была площадка, усыпанная щебнем, и несколько деревянных построек, прилепленных к скале. Заброшенная каменоломня. Из темноты одного из провалов доносился дым — там горел костёр.

И оттуда вышли двое.

Первый был здоровенный — лысая башка, рваный шрам от виска до подбородка, руки толщиной с бревно. Он оперся

о телегу, и доски жалобно скрипнули под его тяжестью.

— Герасим! — голос его прозвучал как удар в пустой бочке. — А мы уж думали, старый хрыч, ты ноги протянул, пока собирался. Должок принёс?

За его спиной вынырнул второй — ниже, щуплее, с жидкой бородёнкой и сальными волосами, которые висели сосульками. Он обошел телегу медленно, вразвалочку, и когда его взгляд упал на меня, он присвистнул — долго, протяжно.

— Ни хрена себе, дед! — он даже наклонился, чтобы лучше рассмотреть. — Это что за пташка? Я думал, у тебя только Златка и была. Ты что, вторую внучку прятал где-то?

Герасим молчал. Он смотрел в землю, и я видела, как его пальцы — старые, узловатые — сжимают поводья с такой силой, что кожа на костяшках натянулась до белизны. Он не поднимал глаз. Он вообще не двигался — только вздрагивал плечами, будто его бил озноб.

— Герасим, — позвала я. Голос мой дрогнул, но я заставила себя говорить тверже. — Что происходит? Кто эти люди?

Он не ответил. Открыл рот — и закрыл. Губы его шевелились, но ни звука не сорвалось с них. Как будто язык прирос к небу.

Лысый хохотнул, и его хохот был тяжелым, грубым, как перекатывание булыжников.

— Да не бойся, красавица. Мы люди простые. Любим, когда нам по-честному отдают, что обещали. — Он перевел

взгляд на старика, и улыбка сползла с его лица. — Ну, Герасим. Язык развязывай. Злату выкупать пришёл? Где бабки? Где серебро?

— Я... — голос Герасима сорвался на хрип, он сглотнул, кадык дернулся. — Я... денег нету. Я привёл...

— Что «привёл»? — лысый шагнул вперед, навис над телегой, и старик съежился под его тенью. — Ты, старый пень, год нам должен. Мы тебе срок давали! Мы тебя по-человечески просили! А ты чего припёр? Пустые руки?

Герасим поднял голову. И я увидела его глаза — красные, влажные, с мутной пеленой старческой боли. Он посмотрел на меня — и в этом взгляде было столько всего, что у меня остановилось дыхание. Стыд. Мольба. Отчаяние. И любовь. Самая страшная, самая тёмная любовь — та, что толкает на предательство.

— Прости, — прошептал он. Одними губами. Только для меня. — Прости, внучка. Я не могу её потерять. Она — всё, что у меня осталось.

Жидкобородый зашёлся в хохоте — тонком, визгливом, как у бабы.

— Дед, ты гений! — он подошел ближе, обошёл меня, прицениваясь, и я чувствовала, как его взгляд ползет по мне, липкий, масляный, как его волосы. — Вместо одной внучки — другую привёл! Смотри-ка, и ростом выше, и станом лучше. А личико-то, личико — загляденье. Златка на её фоне — воробей мокрый, тьфу. А эта хороша. Дорого выйдет.

Он протянул руку, чтобы коснуться моих волос, и я дернула головой так резко, что он отшатнулся.

— Руки убрал, — сказала я.

Голос мой упал до шепота, но в этом шепоте было больше холода, чем если бы я кричала. Жидкобородый удивленно вскинул брови, а потом снова осклабился — но в его глазах промелькнула настороженность.

— О-о, — протянул он, облизывая губы. — А она с характером, дед. Мне такие нравятся. Они потом прилежнее всех становился, после воспитки.

Я перевела взгляд на Герасима. В груди всё заледенело. Боль ушла — осталась только пустота, холодная и колючая, как льдинки в горле. И в этой пустоте рождалось что-то новое. Ясное. Страшное.

— Ты, — сказала я, и каждое слово давалось с трудом, будто я выталкивала их из груди осколками. — Обменял. Меня.

Герасим вздрогнул, как от пощёчины.

— Ты привёз меня сюда. Как козу на бойню. Чтобы отмыть свою кровь моей?

— Я не хотел, — выдохнул он, и голос его сломался, превратился в старческий, жалобный всхлип. — Лея, милая, я не хотел... Но они убьют её, понимаешь? Они убьют Златку, если я не заплачу. А у меня ничего нет, совсем ничего... Я не могу её потерять. Она мне как свет в окошке...

Он закрыл лицо руками. Плечи его тряслись — старик

плакал, не стесняясь, не прячась, и в этом плаче было столько боли, что я почти... почти поняла его.

— А меня, значит, можно? — тихо спросила я. — Меня не жалко?

Герасим замер. Руки упали от лица. Он посмотрел на меня — и я увидела, как рушатся в его глазах последние оправдания. Потому что он знал ответ.

— Прости, — только и смог сказать он.

А лысый уже отвязывал веревки, чтобы связать мне руки.

— Ты бы знала, красавица, как этот благородный старец нам задолжал. — хмыкнул лысый, с удовольствием вступая в разговор. — В картишки играть полез — да не умеет. Просадил всё, что было: и скотину, и посуду, и даже избу заложил. А когда и того стало мало, говорит: «Забирайте внучку. Хорошая девка, молодая».

У меня пересохло во рту. Я с отвращением взглянула на старика. А он только молчал и нос в землю уткнул.

— Сам привёл, — продолжал лысый с ленивым удовольствием, смакуя каждое слово. — Сам за ручку привёл, представляешь? «Вот, говорит, Злата. Берите, я согласный». Мы сперва не поверили. Думали, шутит старый хрыч. А он — нет. Забрал свои медяки и ушёл. А внучка-то на нас смотрела — знаешь, как щенок, которого хозяин на мороз выставил. Жалобно так… — Он скривил губы в пародии на сочувствие. — Ничего, привыкла уже.

Герасим поднял мокрое лицо.

— Я хотел вернуть её! — закричал он вдруг, глядя на меня. — Я не выдержал без неё, понимаешь? Дом пустой, кровать пустая, цветы её — вянут! Я сначала деньги хотел найти, но где ж мне, старому… А потом ты — в лесу лежишь одна. И я подумал… — голос его сломался, — подумал: я отдам тебя, а Злату заберу. И мы уедем. Далеко-далеко. Начнём новую жизнь.

Лысый похлопал ладонью по оглобле телеги.

— Ну что девица, слезай, останешься здесь. Будешь нам служить. Не бойся, не убьём — живые девки дороже. Торговать вас будем. Или в хозяйстве оставим. Ты вон какая крепкая — коров доить, дрова таскать, мужикам угождать. Всё сгодишься.

Я медленно поднялась на ноги и спрыгнула с телеги. Я встала на уровне с лысым — ростом была чуть ниже его.

— А если я не согласна? — Злость и адреналин кипели в моей крови. Я была так зла, что будто огонь обжигал кожу. Всё, как я и предсказывала: вот моё будущее — быть рабыней.

Жидкобородый засмеялся:

— А кто тебя спрашивать будет?

В этот момент другой дезертир, который до сих пор стоял в тени и не проронил ни слова, шагнул вперёд, в полосу утреннего света.

И я узнала его. Тот щупленький, с клеймом на лбу.

Сердце дернулось, как загнанный зверь, и забилось так,

что я услышала его в ушах. Гулкий, тяжелый стук — раз, два, три. Кровь прилила к вискам, перед глазами потемнело. Я знала это лицо. В моём доме. В дыму. В крови. В криках моей семьи.

Это был один из тех, кто убил моего отца.

— Ты, — выдохнула я.

Он посмотрел на меня равнодушно, без интереса. Потом глаза его сощурились, и ленивая усмешка появилась на его губах.

— Постой-ка… А я тебя тоже знаю. Трактир у леса? Ты та самая девка? — Он кивнул сам себе, и в глазах зажглось холодное любопытство. Он подошел ближе. — А ты живучая, однако. Мы думали, сгинешь в лесу. А ты — вон она. И даже причесалась.

Мир сузился до его горла.

Кинжал сам собой вышел из ножен. Я не помнила, как достала его — просто оказалось, что рукоять уже в руке. Лезвие скользнуло по его шее, неглубоко, чтобы убить, но достаточно, чтобы остался шрам.

Вокруг замерли все.

— Вы убили всю мою семью! — И мой голос сорвался в крик, которого я сама не узнала.

Я пару раз махнула ножом, чтобы ко мне не подходили близко. Дезертир отшатнулся, зажимая рану рукой. Его лицо помрачнело, наглая ухмылка спала с его лица.

— Может я, и что ты сделаешь? Заколешь меня? А потом

что? Нас трое. Ты одна, — прошипел дезертир. — За такое ты неделю без еды сидеть будешь, да света белого не видеть, поняла?!

Я продолжала стоять, сжимая кинжал. Солнце било в глаза, пахло камнем и гарью, и где-то вдали заливался насмешливый соловей.

Всё, что я знала о себе, рассыпалось в прах за последний день. Но одно осталось: я не готова жить так, но и мне не хватит сил, чтобы защитить себя.

Я приставила лезвие к своему горлу. Кожа под ним дрогнула — острая сталь уже начала резать, теплая струйка крови начали литься по ключице. Я закрыла глаза, нажимая чуть сильнее, представляя семью и дом. Представляя как я с ними встречусь там, на небесах. По моей щеке скользнула слеза надежды, снова оказаться в объятьях матери. Но все мысли оборвать в миг.

— Опусти нож.

Голос был низким, тягучим — как смола. Не просьба. Приказ, который не терпел возражений.

Меня как будто заставили остановиться и открыть глаза.

Мужчина стоял позади всех. Широкие плечи, тяжёлые руки, скрещенные на груди. Он не был похож на дезертира. На нём — чёрная походная куртка, дорогие сапоги, у пояса — два кинжала, а за спиной — массивный меч.

Я смотрела на него — и внутри, глубоко под рёбрами, что-то дрогнуло. Тёплая, тягучая волна, которая разлилась по

груди и опустилась в живот. Чувство было настолько чуждым, что я чуть не выронила нож.

Я точно знала его. Я чувствовала, что он мне будто не чужой.

Но видела его впервые. Какая-то часть меня, которую разум не контролировал, узнавала его. Как узнают запах дома, в который не возвращались годами.

Он тоже это чувствовал — я видела. Его лицо на секунду дрогнуло, когда наши взгляды встретились. Брови чуть сдвинулись — удивление, смешанное с узнаванием. В его янтарных глазах мелькнуло то же самое: *я знаю тебя.* Но тут же лицо потемнело. Он нахмурился и чуть склонил голову, как зверь, принюхивающийся к опасности.

Я медленно опустила кинжал от горла.

Он чуть кивнул. Будто одобрял мой выбор.

Позади него стоял ещё один мужчина, который тоже не походил на дезертира. Опрятный, ниже первого, блондин с волосами до плеч. Он держался расслабленно, почти скучающе, и смотрел на происходящее как на представление.

— Господи, да зачем она тебе, Мариус? — вскинув руки, выкрикнул блондин. — Мы же не за этим пришли.

Но Мариус не ответил и завел руку за спину.

— Её я тоже забираю. — произнес он холодно и бросил мешок на землю — по звону, с монетами — рядом с лысым мужчиной.

Мужчиной, который убил моего отца.

Это был главарь. Тот лысый без бровей. В груди взорвалась ярость. Красная пелена залила глаза. Я хотела сжечь их всех. Сжечь себя вместе с ними. Я крепче сжала кинжал, до боли в пальцах.

— Забирай, если на таких стояк берёт, — главарь сплюнул на землю и нагнулся за мешком.

Мариус не спеша, но твердым шагом направился ко мне. Когда его взгляд упёрся в меня, я почувствовала, как между лопаток пробежал муравей, потом второй, третий — и вся спина покрылась гусиной кожей, будто я голая стояла на морозе.

Я не могу идти с ним.

Страх сжимал горло сильнее с каждым его шагом. Нужно было действовать.

В голове что-то щёлкнуло. Неожиданно. Не план. Не мысль. А шутка брата.

— Волки! — выкрикнула я, указывая пальцем за их спины.

Они обернулись. Все. Кроме Мариуса. Он смотрел на меня, и в его глазах мелькнуло любопытство.

Я перехватила кинжал, взявшись за кончик.

Мариус все понял, но не отошел. В его глазах не читался страх, как будто от ножа не умирают. Он просто ждал, для кого предназначался этот удар.

И я метнула.

Лезвие воткнулось в плоть.

Туда, куда я и целилась.

Прямо в сердце.

Главарь недоуменно опустил взгляд на торчащую рукоять. Изо рта потекла кровь. Он взглянул на меня. Последним взглядом. Точно так же смотрел отец, когда меч вошёл ему в спину. Та же пустота в глазах. То же недоумение.

Он рухнул на колени. В его глазах ещё теплилась жизнь — недоумение, злоба, что-то ещё. А потом он завалился набок. Зрачки расширились, стали пустыми.

Тишина.

Я смотрела на его неподвижное тело и чувствовала только одно: это не вернет их. Это ничего не вернет.

И все равно я улыбнулась.

А потом испугалась своей улыбки.

Все начали переглядываться, не понимая, что делать. Но взгляд Мариуса был прикован ко мне. Он моргнул. Один раз. Второй. Я успела заметить в его глазах искру — не шок, нет. Интерес. А через мгновение на его губах расцвела такая улыбка, от которой у меня свело живот. Будто я не кинжал метнула, а пригласила его на танец. Он снова сделал шаг ко мне.

Я чуть попятилась, не сводя с него глаз. Я была готова драться до последнего удара сердца, но только не пойти с ним. Мариус почувствовал мой испуг и остановился. Стоял спокойно на расстоянии, а спустя мгновение слегка кивнул мне — ободряюще, будто прочитал мои мысли.

Бежать.

Я сорвалась с места и помчалась что есть силы, поднимая юбку руками. Боковым зрением увидела, что за мной начали бежать головорезы.

— Всем стоять! — неожиданно для меня рявкнул Мариус приказным тоном.

Я бежала, ожидая в спину стрелу или топот погони. Но сзади было тихо. Я рискнула обернуться на бегу — и встретилась с ним взглядом. Мариус не двигался. Он стоял на том же месте, скрестив руки на груди, и смотрел мне вслед. На его губах застыла лёгкая улыбка — как у охотника, который спустил дичь, чтобы гнать её в нужную сторону.

Эта улыбка была страшнее погони.

Глава 4. Нить

Лес встретил меня тишиной. Я бежала, не разбирая дороги, пока лёгкие не начало жечь огнём. Только тогда я остановилась, согнулась пополам, хватая воздух ртом.

— Почему он меня отпустил? — прошептала я в траву. Ответа не было. Ветер шевелил листья, где-то стучал дятел, а я стояла посреди леса одна и понимала только одно: этот мужчина в чёрном мог убить меня, но не убил. Мог поймать — но не стал.

Я выпрямилась и пошла на юг, к реке. Ноги несли сами. Вода, холодная и быстрая, ждала впереди — я знала каждую излучину, каждый перекат. Мы с Ирьей, мой подругой, купались здесь, когда отец не видел.

Я вышла к реке только через пару часов.

Если идти на юг, то к ночи буду дома. Если это можно назвать домом. Но я понимала: мне туда нельзя. Меня найдут. Однако я должна была попрощаться с семьёй. Закрыть глаза отцу, матери и братьям. Собрать с земли то, что осталось от дома.

Я села у реки, чтобы умыться и освежить мысли. Вода была холодной, почти ледяной — она обожгла лицо и выжгла остатки пелены. Я рванула подол и рукава — ткань треснула по швам. Так я хотя бы не споткнусь, когда буду идти.

И тут я услышала резкий шорох сзади.

Я вскочила, готовая бежать, но замерла. Из-за кустов ольхи вышел белый олень — и я вздохнула, опустив плечи.

— Ты что, меня преследуешь? — спросила я, хотя знала, что он не ответит.

Мне не верилось. Он пришёл именно сейчас? Знал, что я здесь? Или… он всегда где-то рядом? Он прошёл мимо меня аристократичной походкой к реке, склонил голову и начал пить воду, иногда поглядывая на меня одним глазом.

Я села рядом с ним, тоже зачерпнула ладонями воды. Холодной, свежей, с привкусом железа и мха.

Я взглянула на оленя, и вдруг меня как током ударило, в груди шевельнулось то же самое, что и при встрече с Мариусом. То самое чувство чего-то родного и необъяснимого в груди — всё то, что я чувствовала к тому мужчине… то же самое я чувствую сейчас, рядом с оленем, но в случае с Мариусом ещё и озлобленное.

Этот мужчина — тоже дух леса? — мелькнула безумная мысль. Я тут же отбросила её. Духи не платят за девушек мешками серебра. И не смотрят так… как будто я им нужна живая.

Духи могли принимать любое обличье, чтобы помочь или навредить. Надеюсь, дух мужчины оказался не злопамятным.

Вдруг олень резко посмотрел на меня, и я вздрогнула. Мне показалось, что он хочет мне что-то сказать, но не может. Потом он отошёл в сторону и начал бить копытом по

стволу дерева.

Недоумевая, я продолжала смотреть. А он бил сильнее и сильнее — всё в одно место, чуть выше корня, где кора была тоньше и темнее.

Я подошла ближе, осмотрела дерево. Ничего необычного: старая сосна, смола застыла янтарными каплями, по стволу поднимаются муравьи. Олень ударил ещё раз — и я заметила то место, куда он бил копытом. Глубокая трещина в коре, обнажившая светлую древесину. Но ничего такого.

Тогда олень подошёл ко мне и сильно пихнул головой в бок — так, что я ударилась лбом о ствол.

— Ой! — Я потёрла ушибленное место. Вот будет шишка. — Ты что творишь?

Я грозно посмотрела на оленя. Он снова отошел, положил копыто на корень у основания сосны, закрыл глаза и приложил голову к стволу дерева.

Через секунду приоткрыл один глаз — и фыркнул. Перевёл взгляд на меня, и в этом взгляде было такое человеческое терпение, что мне стало стыдно.

Я повторила за ним.

Я положила руку на дерево, рядом с корнем, на том уровне, где он бил копытом. Закрыла глаза, уперлась лбом в дерево и стала ждать. Где-то глубоко в душе я знала, что он хотел мне показать: то самое ощущение леса, которое у меня было единожды в детстве.

На самом деле я чувствовала оленя на ментальном уровне

— его желания, его мысли, — но не могла с этим смириться, не могла признать, не верила своим ощущениям, противилась им.

Сначала ничего не происходило. Только моё сердце стучало в груди, только ветер шевелил волосы. А потом…

Я провалилась. Сквозь землю, сквозь кору, сквозь саму плоть леса. Я не просто чувствовала его — я была им. Ощущения хлынули потоком, оглушающим и прекрасным. Тысячи нитей тянулись от меня во все стороны — корни деревьев, переплетённые под землёй в единую сеть, говорили друг с другом. Я слышала их шёпот.

Там, на южном склоне, медвежонок карабкается на сосну. Я чувствовала его когти, царапающие кору. Лисица крадётся по заячьей тропе — я ощущала тепло её тела, прижатую к земле морду и быстрый стук крошечного заячьего сердца впереди. Дятел долбит сухую ветку — я слышала каждый удар клюва, каждая крошка коры отлетала с сухим треском.

Лес дышал. Лес жил. И я была частью этого дыхания.

Я открыла глаза. Рука дрожала, вены окрасились в зелёный. А внутри уже зарождалось понимание. Я быстро прикоснулась к дереву двумя руками, закрыла глаза с надеждой, что лес меня снова выкинет в знакомое место, как это случилось раньше.

Но у меня не получилось. Моё сознание бродило по лесу, и я почувствовала их. Шаги. Конский топот. К северу от меня, оттуда, откуда я прибежала. Двое всадников. Они двига-

лись быстро, уверенно, не петляя — будто знали, где я.

Они хотели меня поймать. Мариус и тот блондин.

Я открыла глаза. Голова закружилась, и я схватилась за ствол, чтобы не упасть. В ушах стоял звон, будто тысячи муравьёв прогрызали барабанные перепонки. Из носа потекла тёплая кровь — я вытерла её тыльной стороной ладони и посмотрела на неё, как на чужую.

— Спасибо. — прошептала я оленю.

Тот склонил голову в низком поклоне — и исчез между деревьев, растворяясь в пятнах света и тени.

Я не стала гадать. Я побежала на юг — на этот раз через реку.

Вода обожгла ноги ледяным холодом, камни скользили под подошвами — меня отрезвило. Я перешла реку вброд, потом прошла ещё сотню шагов по воде вниз по течению, прежде чем выйти на берег. Чтобы запутать следы.

Я шла долго. Солнце клонилось к закату, тени удлинялись, и лес наполнился новыми звуками: сова перекликалась с совой, где-то ухал филин, в кустах шуршали ночные зверьки.

Я умирала от голода. Желудок скрутило узлом, во рту пересохло. Но я не могла остановиться. И не могла убить животное — рука не поднималась. Какая ирония: я лишила жизни двух людей, а на зайца или тетерева поднять руку не могу.

Я невольно скривилась от своих же мыслей. Мерзко. Всё

мерзко.

С этими мыслями я всё-таки дошла до дома. Но не до моего — до дома тётушки Ольги.

Я шла сюда почти весь день и добралась только к глубокому вечеру. Солнце давно село, звёзды высыпали на небо густой россыпью, и единственным светом служила бледная луна, пробивавшаяся сквозь кроны деревьев. Окна дома тётушки Ольги уже не горели — только тёмные прямоугольники на фоне бревенчатых стен.

Я тихонько, едва касаясь, постучала в дверь костяшками пальцев.

Тишина.

Я не хотела их беспокоить и повернулась назад — переночую в сарае, а утром приду снова. Но дверь со скрипом открылась.

В двери стоял мужчина — широкоплечий, с сединой в русой бороде. Я узнала его сразу: Лейф, муж тётушки Ольги. Он всегда чинил нам телегу.

— Лея? — Он моргнул, вглядываясь в моё лицо. — Боги, девочка… Жива!

Из-за его плеча выглянула Ольга — маленькая, круглая, в клетчатом платке. Я знала её с детства. Она носила нам пирожки, когда мама болела. А из-за её спины выглядывали двое: черноволосая Ирья, моя лучшая подруга, и Ульф, её брат — тот самый парень, на которого все девушки в деревне заглядывались, а он почему-то всегда краснел, когда я про-

ходила мимо.

— Дочка! — выкрикнула Ольга, силой отодвинув мужа в сторону.

Она крепко обняла меня — так, что у меня чуть хрустнул позвоночник. От неё пахло печёным хлебом, и этот запах ударил в голову с такой силой, что у меня защипало в глазах.

— Живая, дочка, живая… — приговаривала она уже шёпотом, чуть плача, гладила меня по спине дрожащей рукой.

— Как ты? Мне так жаль! Что с тобой случилось? Куда ты пропала? С тобой все хорошо? — Она держала меня за плечи на вытянутых руках, вглядывалась в лицо и закидывала вопросами, не давая ответить. Мои мысли путались, я не находила слов — я просто была ей так рада.

— Отстань ты от девки, видишь, есть хочет, на ногах не стоит. — Лейф мягко отодвинул Ольгу и взял меня за руку. Ладонь у него была широкая, шершавая, тёплая. — Поест — всё расскажет.

Меня завели в дом. Ирья бросилась на шею первой, что-то бормоча вперемешку с плачем, а Ульф молча стоял рядом, сжимая кулаки, и смотрел на меня так, будто я была призраком.

Пока Ольга грела воду и резала хлеб, я успела умыться и привести себя в порядок. Ирья принесла свои вещи — чистую рубаху, тёплый платок и платье.

Мы сели за стол, и мне пришлось всё рассказать.

Я сидела на лавке, сжимая обеими руками горячую круж-

ку с отваром из трав, и говорила. Слова выходили тяжело, кусками — как будто я выплёвывала битое стекло. Я опускала странные моменты — про лес, про Мариуса, про прикосновение к деревьям. Не потому, что не доверяла. А потому, что сама ещё не верила.

Ольга тихо плакала, уткнувшись в плечо мужа. Лейф качал головой, глядя в столешницу. Ирья смотрела на меня огромными глазами, приоткрыв рот, и даже не моргала. В доме повисла тишина.

— Мы с почестями похоронили твою семью. — тихо сказал Лейф после долгой паузы. — Там, на холме, у старого дуба. Если хочешь, завтра я отведу тебя.

— Да. — мой голос дрогнул. — Я хочу.

Глаза уже были красными — я тёрла их кулаками, но слёзы всё равно текли. И внутри, под этой болью, я чувствовала кое-что ещё. Ненависть. Горячую, живую, как уголёк в груди. Мне хотелось мстить. Я смотрела на свои руки. Они не дрожали. Вообще. И это пугало сильнее всего. Пальцы помнили тяжесть кинжала, мышцы — тот короткий, точный рывок, когда лезвие вошло в плоть. Во рту появился металлический привкус — будто я сама пила его кровь. И мне не было тошно. Мне было… тепло. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и поняла: я сделала бы это снова. Без раздумий.

— Мы тебя ждали, Лея. — сказала Ольга, возвращая меня на землю. — Тебя и Ратибора.

Имя моего брата ударило в виски.

— Ратибора? — Я заикнулась. — Он же… умер там?

На мгновение наступило молчание. А потом у всей семьи округлились глаза — до размера с яблоко.

— Нет. — выпалила Ирья, не выдержав первой. — Его тела там не было. И в округе тоже. Мы подумали, что вы сбежали. А того дезертира у окраины леса убил Ратибор.

— Но… — я растерянно заморгала. — Его не было со мной. Я сбежала одна. Я не видела его…

Меня начал охватывать мандраж, пальцы барабанили столешницу, а глаза забегали по тарелке. Мой брат мог быть жив! Но где? Как мне его найти? Куда мне идти?

— Ладно, хватит на сегодня. — Лейф поднялся из-за стола, и лавка под ним жалобно скрипнула. — Утро вечера мудренее. Ты, Лея, не переживай. Ратибор не пропадёт — у него голова на плечах есть. Мы его найдём.

Он обвёл всех строгим взглядом.

— Ирья, подготовь спальное место рядом с собой для Леи. А ты, Ульф, к девкам не ходи. Уходи к себе. — раздал указания отец и направился спать.

Мы его послушались, но сначала помогли Ольге убрать посуду и подготовить спальные места. Когда мы уже стали расходиться, Ульф взял меня за руку.

Он вывел меня в сени, где никого не было, и заговорил почти шёпотом — чтобы мать не услышала.

— Лея… точно хорошо себя чувствуешь? Нигде не болит?

Я могу пойти в лес и нарвать трав. Корень девясила от сердца помогает. Или зверобой от ран. — Голос у него был мягкий, заботливый.

— Сейчас со мной правда всё хорошо. — ответила я. И только потом добавила, сама не ожидая от себя этих слов: — Но сердце ещё сильно колотится. Мне страшно, Ульф.

— Конечно, страшно. — Он положил обе руки на мою ладонь и мягко улыбнулся. — Но ты не бойся. Я буду рядом. Слышишь? Рядом.

Он сжал мои пальцы, задержал взгляд на моём лице чуть дольше, чем нужно. Мы ещё немного поговорили и разошлись.

Этой ночью я действительно чувствовала себя в безопасности.

Я уснула, как только голова коснулась подушки, и не видела снов. Только тьму. Тёплую, спокойную, ничейную тьму.

Глава 5. Ярилин день

Прошло три недели с тех пор, как я переступила порог дома семьи Ульфа и боль начала потихоньку отступать.

Меня приняли как дочь. Ольга каждое утро оставляла для меня миску каши с топлёным маслом, а когда я пыталась отказаться — качала головой и говорила: «Ешь, дочка. Силы тебе нужны». Лейф молча кивал, если я бралась за самую тяжёлую работу, и ни разу не сказал: «Отойди, не женское это дело». Я таскала брёвна для новой ограды, копала грядки под морковь и репу, носила вёдра с водой от колодца. Работа была привычная — дома у нас делали то же самое.

По вечерам, когда садилось солнце, я чувствовала, как по рукам и спине разливается приятная тяжесть. Усталость выжигала страхи. Усталость не давала думать о том, что моей семьи нет, Ратибор пропал без вести, а я убила человека и почти не жалела об этом.

В течение этих дней мы с Ульфом несколько раз выбирались в соседние деревни, чтобы разузнать о Ратиборе. Но о нём ни слуху ни духу — как сквозь землю провалился. Все говорили, что новых людей в деревню не приходило, даже проездом.

За это время, я так и не появлялась в таверне. Не могла найти в себе силы переступить порог места, где пару недель назад мы сидели всей семьёй — отец шутил, мама смеялась,

а братья пили эль. Теперь все они лежали под старым дубом на холме. Я просила Ульфа зайти в таверну, в комнату брата — может, найдёт что-то полезное. Но всё тщетно.

Сегодня был обычный тихий вечер. За окном догорала заря, оставляя на небе багровые полосы, похожие на заживающие раны. В избе пахло мятой, зверобоем и чуть горьковатым дымом из печи. Мы сидели на сундуке в углу, прижавшись плечами, и перебирали сухие стебли для Ольгиной настойки.

Ирья работала молча, ловко отщипывая листочки, но я чувствовала её взгляд — боковой, колючий, который пробирал до костей. Она всегда умела смотреть так, будто видела не только моё лицо, но и то, что я пыталась спрятать за ним.

— Лея, — она отложила пучок мяты и повернулась ко мне всем корпусом. — Ты мне всё рассказала? Про тот день?

Я замерла. Пальцы мои остановились, сжимая сухой стебель. В её глазах было не просто любопытство — там был прищур охотницы, которая уже взяла след.

— С чего ты взяла? — спросила я осторожно, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— С того, — она подвинулась ближе, и её голос упал до доверительного шёпота, — что ты уже три раза за сегодня вздохнула как корова, которую продали с потрохами. И постоянно смотришь в окно так, будто ждёшь кого-то. Или боишься.

Я хотела сказать, что ей показалось, но Ирья наклонила

голову, и я поняла: бесполезно. Она всегда видела меня насквозь. Ещё в детстве, когда я пыталась спрятать разбитую кружку или утаить, что тайком съела последний пирожок, она просто смотрела на меня этими своими лисьими глазами — и я сдавалась.

От неё невозможно было ничего утаить. Если она что-то заподозрила, она вытрясла бы правду даже из мёртвого. Просто из принципа.

Я оглянулась на дверь — пусто. Вздохнула, собираясь с духом, и подалась ближе к ней, почти касаясь губами её уха.

— Помнишь, я рассказывала про каменоломню и дезертиров?

Она кивнула, не сводя с меня глаз.

— Так там... — я запнулась, перебирая слова, каждое из которых казалось тяжелее предыдущего. — Там были не только они. Там был один мужчина...

Я выдохнула — долго, шумно, будто ныряла под воду — и начала рассказывать. Всё. От начала до конца. Как он пришёл из темноты, как бросил мешок с серебром, как смотрел на меня тем странным, тягучим взглядом, от которого по коже бежали мурашки. Я ничего не утаила. Даже того, что внутри, в груди, до сих пор жил этот странный холод, когда я вспоминала о нём.

Ирья молчала. Слушала, не перебивая, только брови её медленно ползли вверх — сначала одна, потом вторая. Когда я закончила, в избе стало тихо. Даже сверчок за печкой

притих.

— Ирья, — я почувствовала, как щёки начинают гореть, и это было так глупо, так по-детски, что я хотела провалиться сквозь пол. — Что думаешь?

Она помолчала. Потом задумчиво поджала губы — и я увидела, как в глубине её глаз зажглись те самые озорные огоньки, которые я знала с детства. Она что-то придумала. Я это чувствовала кожей.

— Так-так-так, — она начала загибать пальцы, играя в счёт, и голос её стал нарочито серьёзным, как у бабки-знахарки перед гаданием. — Высокий. Коренастый. Устрашающий, но не страшный — значит, симпатичный, если не присматриваться. С деньгами — судя по мешку. Спас тебе жизнь. Заплатил за тебя выкуп. И между вами там какая-то магическая связь, которой даже ты сама не понимаешь. — Она подняла взгляд на меня и хитро прищурилась. — Я ничего не упустила?

— И что с того? — спросила я настороженно. В груди уже зашевелилось нехорошее предчувствие.

— А то, — она подалась вперёд, и улыбка её стала почти хищной, — что я бы на твоём месте не сбежала, а прикидывала, сколько у вас будет детей. Пятерых, наверное? Или шестерых? Вон ты какая крупная, небось легко родишь.

— Ирья! — я толкнула её в плечо, и она засмеялась — звонко, заливисто, как в старые добрые времена.

— А что? — она беззаботно пожала плечами и откинулась

на стену, заложив руки за голову. — Ты подумай: он пришёл за тобой, смотрел на тебя так еще таинственно, наверное. Может, он ищет жену? Наложницу? Компаньонку для долгих зимних вечеров, когда на улице метель, а в доме только дрова и скука?

— Ирья, бог с тобой, — я закрыла лицо руками, но пальцы не скрыли того, как уголки моих губ сами собой поползли вверх. — Я была в заложниках, меня чуть не убили, меня продавали как корову на ярмарке. А ты про...

— А ты думаешь, коровы не мечтают о красивых быках? — она подмигнула так серьёзно, что я фыркнула.

— Конечно, — я уже не пыталась сдерживать улыбку, и впервые за эту неделю в груди стало чуть легче, будто кто-то убрал камень, который я носила под рёбрами. — Мы же все знаем, что лучшие женихи встречаются именно на невольничьих торгах. Я обязательно приведу его знакомиться с твоей мамой. Посмотрим, как она будет объяснять отцу, почему к ним в дом пришёл здоровенный мужик с мечом.

— Ой, только не надо мою маму, — Ирья замахала руками, — она его сразу накормит до смерти. Ты же уже видела, как она пироги печёт с рыбьей головой вместо начинки? Нам жених живой нужен.

Мы посмеялись, и я почувствовала, как тяжесть отпускает. И на миг, всего на один короткий миг, мне показалось, что всё будет хорошо.

Ирья умела — всегда умела — превращать ужас в неле-

пость, а нелепость в смех. За это я её и любила.

— Ладно, — сказала она, отсмеявшись. — А серьёзно? Что ты чувствуешь, когда думаешь о нём?

Я хотела ответить что-то лёгкое, колкое, но слова застряли в горле.

— Не знаю, — сказала я честно. — Страшно. Но не так, как должно быть страшно. Как будто я бегу с обрыва и не знаю, есть ли внизу вода. Но при этом — не могу остановиться.

— Ого, — Ирья присвистнула. — Ну, это уже диагноз.

— Спасибо, подруга, — буркнула я. — Утешила.

— Всегда пожалуйста, — она чмокнула меня в макушку. — А теперь давай к делу. У меня назрел ещё один вопрос.

— Какой? — спросила я, уже зная, что сейчас начнётся что-то непотребное.

Она чуть прищурилась, наклонилась к моему уху и зашептала — с таким видом, будто собиралась выдать государственную тайну, от которой зависит судьба королевства.

— Ты говорила, у него за спиной большой меч. Красивое оружие, наверное. А у него только меч был большой? Или может… ещё что-то? — Она выразительно выгнула бровь. — Ну, знаешь, такое… личное оружие, для ночных боёв?

— Ирья! — Я отшатнулась, чувствуя, как щёки заливает краской до самых ушей. — Ну это уже перебор!

— Что? — Она всплеснула руками, изображая полнейшую невинность. — Я про второй меч! Или про кинжал! Или

про… ну, не знаю, что у богатых мужчин бывает в штанах, кроме ног!

— Ах ты… — я стянула с головы платок и кинула ей в лицо. — У тебя не язык, а помело!

Мы залились смехом — громко, взахлёб, так, что из кухни выглянула Ольга и покачала головой, но с улыбкой. Я смеялась до слёз, до боли в животе, и в этом смехе впервые за долгое время не было горечи.

— Так что, — выдохнула Ирья, вытирая слёзы, — пойдёшь завтра на Ярилин день? Если не хочешь, я останусь с тобой. Посидим дома. Придумаю что-нибудь, мать поверит.

— Нет, — сказала я после короткой паузы. — Не надо. Пойдём.

— Уверена?

— Не уверена, — я сжала свои ладони. — Но если я сейчас спрячусь, то потом уже никогда не выйду. А я не хочу сидеть в четырёх стенах и бояться каждого шороха.

Ирья кивнула и крепко обняла меня.

— Тогда завтра — наряжаемся, пьём медовуху и смотрим на мужиков, — объявила она. — А если твой появится — я первая скажу ему, где ты живёшь.

— Только попробуй, — пригрозила я.

— Всё, всё, молчу, — она подняла руки, сдаваясь. — Но ты сама виновата, нечего рассказывать такие интересные истории впечатлительным девушкам.

Я закатила глаза, но улыбнулась. Впервые за это время —

по-настоящему.

***

Утром следующего дня — Ярилина дня — я проснулась от того, что Ольга и Ирья уже гремели посудой и перекликались через всю избу.

— Лея, вставай! — пропела Ирья, дёргая меня за одеяло. — Проспишь праздник, женихи разбегутся!

— Какие женихи, — пробормотала я, пряча лицо в подушку.

— Все!

Они наряжались долго. Ирья достала из сундука вышитую рубаху с красными цветами по подолу и синий сарафан, который ей сшила мать прошлой осенью. Светлые волосы заплела в тугую косу и перевязала алой лентой.

Я стояла у окна и смотрела на них. У меня не было ни нарядов, ни украшений.

— Вот, — Ирья сунула мне в руки длинное платье светло-серого цвета, почти белое, с вышитыми васильками. — Носи. Подходит под твой цвет глаз.

Я с благодарностью приняла наряд, надела рубаху, сверху накинула платье и подпоясала тонким шнурком. Волосы распустила — пусть лежат как есть. Ирья подошла сзади, взяла прядь у моего виска и заплела тонкую косичку, вплетая в неё лоскут голубой ткани.

— Чтобы удачу приманивала, — пояснила она.

В маленьком осколке зеркала, что висело у печи, на меня

смотрела чужая девушка. Усталая, но живая. И в глазах — голубых, как небо — уже не было того стылого ужаса, что поселился там в первую ночь.

— Красивая, — прошептала Ольга, глядя на меня с порога.

Я не ответила. Просто вздохнула и шагнула за дверь.

***

Праздник гудел на лугу за деревней, и воздух дрожал от звуков — дудки надрывались в унисон с бубнами, и этот ритм бил прямо в ноги, в самое сердце, заставляя тело двигаться, даже если разум был против. Солнце уже клонилось к закату, разливая по небу янтарное золото, но земля ещё хранила дневное тепло, и от неё пахло разогретой травой, дымом костров и жареным хлебом, который продавали прямо с лотков.

Там, где старые берёзы расступились, уступая место поляне, девушки в расшитых сарафанах водили хоровод — плавно, как одна живая река, переливающаяся алыми и синими узорами. Парни соревновались в силе: катали тяжёлое бревно через плечо, перетягивали канат, и от каждого рывка у них вздувались жилы на шеях, а зрители орали, подбадривая. Дети с визгом носились с горящими ветками, изображая змея Ярилу, которого полагалось прогнать до темноты, чтобы лето было урожайным.

Я держалась рядом с Ирьей и Ульфом, стараясь не попадаться на глаза незнакомцам. Пряталась за их спинами, опус-

кала взгляд, когда кто-то оборачивался в мою сторону. Но праздник был слишком большим, слишком громким, чтобы прятаться вечно. Постепенно — кружка медовухи, вторая, горячее солнце на лице — напряжение начало отпускать. Мои плечи чуть расслабились, и я даже улыбнулась, когда какой-то веснушчатый парень подскочил ко мне с широкой, мальчишеской улыбкой и протянул руку, приглашая в хоровод.

— Отвали, — буркнул Ульф, шагнув вперёд и заслоняя меня своим плечом.

— Ульф, — я пихнула его в бок. — Не надо было.

Ирья закатила глаза так выразительно, что я едва сдержала смех. Она попыталась утащить меня за руку в круг, но я мягко высвободилась, покачала головой. Не могла. Не сейчас.

Я махнув рукой, чтобы она шла. Подруга кивнула и умчалась в пляс, оставив меня стоять с кружкой медовухи на краю поляны.

Я сделала глоток — напиток был сладким, чуть терпким, с медовым привкусом и лёгкой хмельной искрой. Обвела взглядом толпу, позволяя себе просто *наблюдать*, не думая о прошлом.

Ирья уже вписалась в хоровод, мелькая между девушками своим ярким сарафаном. Волосы её растрепались, щёки раскраснелись, и она смеялась — звонко, заливисто, запрокинув голову. Но когда какой-то кудрявый парень попытал-

ся обхватить её за талию и увлечь в центр круга, Ирья ловко увернулась и состроила такую мину, будто он только что предложил ей съесть лягушку.

— А вот ещё чего! — крикнула она, и я услышала её голос даже сквозь гул праздника. — Руки-то убрал, козёл! Я тебя в прошлом году видела, как ты корову Михееву доил — у тебя одна рука на вымя, а вторая в кармане у соседки!

Парень покраснел, толпа вокруг заржала, а Ирья победоносно встряхнула волосами и понеслась дальше, оставляя за собой шлейф хохота.

Я перевела взгляд на Ульфа. Он стоял чуть поодаль, у самого костра, где мужики пытались сдвинуть с места огромный валун — очередная проверка на силу. Ульф шагнул вперёд, отодвинул плечом какого-то мужика, плюнул на ладони и упёрся в валун. Жилы на его шее вздулись, лицо пошло багровыми пятнами, из горла вырвался низкий рык — и камень сдвинулся. Дюйм. Потом ещё. Потом с грохотом перевернулся, вдавливаясь в землю.

Мужики присвистнули, кто-то хлопнул Ульфа по спине, отчего тот качнулся, но устоял. Он выпрямился, отряхнул руки и с достоинством отошёл к костру, стараясь не показать, как тяжело дышит.

Я усмехнулась и покачала головой. Потом снова повернулась к толпе, вдохнула поглубже, чувствуя, как вечерний воздух смешивается с дымом, смехом и запахом цветущих трав. И на миг мне показалось, что я снова — просто Лея.

Девушка на празднике. Без страха, без боли, без прошлого, которое дышит в затылок.

Но пальцы на кружке снова задрожали. Мурашки, холодные и колючие, пробежали по правому плечу, поползли вниз по позвоночнику, рассыпались по всей спине. Я обернулась.

Он стоял у старой берёзы, прислонившись плечом к стволу. Сегодня без чёрной куртки — простая белая рубаха, расстёгнутая у горла, тёмные штаны, сапоги. Безоружный. Но без меча он выглядел так, будто оружие ему и не нужно.

В пальцах он лениво крутил ромашку — хрупкий цветок в его грубых руках. Контраст резал глаза: белый лепесток на тёмной коже, нежность в пальцах, которые могли сжать горло так, что хрустнут позвонки.

Он был красив. Но не придворной гладкостью. Другая красота — грубая, пугающая, как волк на опушке. Массивная челюсть, нос с горбинкой, будто сломанный и неправильно сросшийся. Тёмно-каштановые кудри падали на лоб. На правой скуле белел тонкий шрам.

Но главное — глаза. Янтарные, с золотыми искрами. Тяжёлые. В них не было злобы — только выжидание, терпение. И странная сосредоточенность, которую я не могла понять.

Он не улыбнулся. Не кивнул. Просто поднёс ромашку к лицу, положил ее за ухо и посмотрел на меня. Взгляд его говорил: *«Я здесь. Я жду. Ты знаешь»*.

Рядом с ним, чуть поодаль, стоял тот самый блондин. Лёгкий, расслабленный, с кружкой в руке и ленивой улыбкой

на губах. Он что-то рассказывал троим девушкам, которые вились вокруг них, как мотыльки у костра, и те заливались смехом, то и дело касаясь его плеча.

Моё первое желание было — бежать. Скрыться в толпе, в лесу, в самой дальней избе. Ноги уже дернулись, готовые сорваться с места, но я сразу поняла: бежать некуда. Он нашёл меня здесь — найдёт и везде.

Я расправила плечи и пошла к ним. Остановилась в двух шагах. Достаточно далеко, чтобы убежать. Достаточно близко, чтобы ударить.

— Ты, — сказала я. Голос не дрогнул — только внутри всё сжалось в тугой ком. — Зачем ты здесь?

Девушки, что вились вокруг блондина, заметили меня. Их смех стих, как по команде. Они переглянулись, окинули меня взглядом — с головы до ног, оценивающе, холодно. Как будто я была грязь, которую принесло ветром.

Блондин удивлённо вскинул брови заметив меня, а потом запрокинул голову и рассмеялся. Громко, открыто, так, что на него обернулись соседние костры.

— Ох, — блондин запрокинул голову и рассмеялся, хлопая себя по бедру. — Я не могу, как вспомню, так сразу в смех бросает. Ты помнишь, Мариус? «Волки!» — она крикнула: «Волки!» — и мы все обернулись. Все до одного! А волков — ни одного!

Он схватился за живот и засмеялся снова.

Мне не было смешно. Вообще. Я смотрела на Мариуса.

Он не смеялся, только чуть улыбался — краешком губ, будто про себя, прикрывая кулаком улыбку.

Девушки не поняли шутки и переглянулись друг с другом.

— Вам пора, — сказал Мариус тихо обращаясь к девушкам.

Они не переспросили. Не задержались. Просто взялись за руки и скрылись в толпе, даже не оглянувшись. Я проводила их взглядом и снова повернулась к нему.

— Я спросила, что вам надо, — повторила я холодно.

Мариус не ответил сразу. Он смотрел на меня — и вдруг провёл рукой по лицу, как человек, который не спал несколько ночей. Жест усталости, который он тут же спрятал.

— А ты ждала, что я исчезну? — он склонил голову, разглядывая меня, как диковинную зверушку. — Я за тебя заплатил, Лея. Это даёт мне право хотя бы поздороваться.

— Платил ты покойнику, — отрезала я. — Я тебе ничего не должна.

Он не обиделся. Наоборот — улыбнулся шире, и в этой улыбке мелькнуло что-то почти мальчишеское.

— Должна. Я мог тебя не отпускать.

— Но отпустил. И теперь хочешь что-то взамен?

Он кивнул и сделал шаг ко мне. Я не отступила — но внутри всё сжалось. Блондин хмыкнул и отошёл к костру, где крутились девушки, но я краем глаза заметила, как он косится на нас. Следит. Или охраняет.

— Да, хочу. Разговор, — сказал Мариус.

— О чём?

— О тебе. — Он посмотрел мне в глаза, и сердце так сильно дёрнулось, что у меня перехватило дыхание. — О нас, — добавил он тише, и на губах его появилась усмешка.

— Кто ты? — выдохнула я.

— Мариус, — он чуть склонил голову. — Просто Мариус. А ты — Лея. Дочь трактирщика. Сирота. Убийца одного дезертира, и, кажется, второго. Временно проживающая у тётки, — он перечислил это буднично, как читал с бумажки, и я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— И зачем тебе это знать?

— Затем, что ты кажешься не обычной девушкой, Лея. — Голос его стал еще тише, серьёзнее. — Я ищу кое-что. Место.

Он резко замолчал. Его пальцы сомкнулись на моём запястье — горячие, шершавые, как кора старой сосны. Я замерла. Не потому, что испугалась. А потому, что под его ладонью мой пульс вдруг стал стучать в унисон с его — быстрее, сильнее, чем во время бега. Я не отдёрнула руку. Не смогла.

— Есть места, куда обычный человек не войдёт, — продолжил он, и его голос завораживал, как звук воды в темноте. — Лес их прячет. Открывает только тем, кто сам — часть леса.

— А от меня что ты хочешь? Причём тут я?

— Хочу правды. Хочу, чтобы ты помогла мне найти то

место. — Он говорил, не отпуская мою руку, и его пальцы сжимались сильнее, словно угрожал. — И не делай из меня дурака. Я знаю, что ты делала тогда у реки. Когда ты касалась дерева…, — он запнулся, подбирая слово, и я увидела, как его челюсть напряглась.

Я похолодела.

— Как… Как это увидел? Ты же был далеко...

— Я чувствовал. — Он перебил меня, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Не знаю, как это называется. Но я хочу, чтобы ты показала мне то, что видела.

— Я не могу тебе это показать, — прошептала я, и голос мой дрогнул, как у напуганного ребёнка. — Я не умею это контролировать. Оно приходит само.

В тот момент я и была ребёнком. Испуганным, потерянным, зажатым в его руке, как пойманная птица.

— Хорошо, — произнёс он медленно и выпустил моё запястье. Кожа горела там, где были его пальцы. — А если я скажу, что знаю, где твой брат? И знаю, почему ты чувствуешь лес? Знаю, кто ты.

— Брат? Откуда ты... — начала я.

— Я много чего знаю, — отрезал он. — Но говорить буду только тому, кто согласится идти со мной.

— Шантаж? — прищурилась я, но внутри всё дрожало. Брат. Он сказал *брат*.

— Сделка, — он улыбнулся, но мягко. — Ты помогаешь мне найти храм — я даю тебе всё, что захочешь. Деньги. За-

щиту. Месть. Хочешь — прикажу казнить того старика, что тебя продал.

— Я не убиваю стариков, — бросила я.

— Я даю тебе выбор, Лея, — Мариус вдруг стал серьёзным, улыбка сползла с его лица. — Ты можешь остаться здесь, в своей деревне, делать вид, что ничего не случилось. Выпить ещё кружку медовухи, выйти замуж за какого-нибудь Ульфа и родить ему детей. А можешь пойти со мной и узнать правду о своей силе. И о том, почему дезертиры вообще пришли в ваш дом.

Меня затошнило, а земля качнулась под ногами.

— Это была не случайность? — выпалила я, и голос мой упал до шёпота.

— Повторюсь, — он сделал полшага назад, давая мне воздух, и я жадно вдохнула, — я много чего знаю. Но не здесь. Не сейчас. Подумай.

— Я уже подумала. Нет. — Я не могла идти с ним, я не верю ему.

— Ты ещё не подумала, — усмехнулся он, и в его глазах вспыхнули золотые искры. — Ты испугалась. Это разные вещи. Я не тороплю. Но ответ ты мне дашь.

— Я уже дала.

— А я не принял, — сказал он тихо, почти ласково. — И не приму. Ты пойдёшь со мной, Лея. Вопрос только — когда.

Я развернулась, чтобы уйти. И тут же почувствовала его руку на своём запястье — не сильно, но так, что не вырвать-

ся.

И в тот же миг рядом вырос Ульф. Он смотрел на Мариуса волком, сжав кулаки.

— Ты кто такой? — спросил Ульф, вставая между нами.

Мариус скрестил руки на груди, лениво оглядел его.

— Это не твоё дело, — сказал он.

— Если ты к ней лезешь — моё, — Ульф шагнул вперёд. — И, если ещё раз её тронешь, твои зубы полетят на землю.

Воздух между ними стал плотным, как перед грозой. У меня зазвенело в ушах, и на секунду показалось, что от их взглядов вот-вот посыпятся искры. Я видела, как напряглись мышцы Мариуса под рубахой — одно движение, и Ульф лежал бы на земле. Но он не двинулся. Только усмехнулся краем губ.

— Хороший пёс, — сказал он тихо, глядя на меня. — Дрессированный.

Блондин подошёл с другой стороны, встал между Мариусом и Ульфом, подняв ладони в жесте примирения. На лице его сияла добродушная улыбка, но я заметила, как напряглись его плечи.

— Мальчики, мальчики, давайте без крови. Тут праздник, люди, девушки красивые. Лея, кстати, очень красивая сегодня, правда? — обратился он к мужчинам. — Лея, не сердись на него. Он просто не умеет знакомиться с девушками. Всё через угрозы да через мешки с серебром.

— Заткнись, Некрас, — бросил Мариус, но в голосе не

было злости. Только усталость.

— Не могу, дружище. Кто-то должен тебя спасать от твоего же характера. — Он развернул Мариуса за плечо и подтолкнул в сторону леса. — Пошли. Ты своё сказал. Девушка ответила.

Мариус позволил себя увести. Но на прощание обернулся.

— Я приду снова, Лея, — сказал он. — Не потому, что ты мне нужна. Потому что ты нужна сама себе. Если ты это поймёшь — приходи к своей таверне завтра утром.

И они ушли — чёрный и светлый, растворяясь в вечерних сумерках.

Ульф стоял рядом, дыша тяжело.

— Кто это?

— Я не знаю, — честно сказала я. — Но он знает что-то про мою семью.

— Ты не пойдёшь к нему, — сказал Ульф не вопросом, а требованием.

— Нет, — сказала я, но голос дрогнул. Ульф стоял рядом, но я его не видела — только тень, уходящую в лес.

И я знала, что завтра приду к таверне.

***

Мы вернулись, когда луна уже перевалила за верхушки сосен. От Ульфа разило медовухой так, что у меня защипало в носу, а походка его стала злой — он не шатался, а врезался плечом в каждый косяк, будто мстил дверям.

— Кто это был? — спросил он, перегораживая мне дорогу

в сени.

— Я уже сказала. Не знаю.

— Не ври мне, Лея. — Он шагнул ближе, и от него пахло медовухой и злостью. — Ты с ним говорила как со старым знакомым.

— Ульф, отойди.

— Или что? — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Ударишь меня?

Я смотрела на него и видела чужого человека. Тот Ульф, который молча клал руку на плечо, когда я плакала, — куда-то исчез.

— Ты пьян, — сказала я спокойно. — Поговорим завтра.

Я обошла его. Он не остановил.

— Завтра, — бросил он мне в спину. — Но, если он придёт снова, я ему шею сверну. А потом ты меня благодарить будешь.

Я не ответила.

Я слышала, как он стукнул кулаком по косяку. Потом — тяжелые шаги, хлопок двери.

Я осталась одна в сенях. Луна светила в щель между досок, и я смотрела на этот тонкий луч, как на ниточку. Нить. Которая тянет меня к Мариусу. К лесу. К ответам.

Завтра я приду к таверне. Не потому, что он приказал. А потому что, если я не узнаю правду — эта тишина сожрёт меня заживо.

Глава 6. План «Б»

Ночью я обдумывала слова Мариуса.

Вопросы крутились, как жернова, перемалывая тишину. Я ворочалась с боку на бок, сжимала край подушки, смотрела в потолок, на котором луна рисовала причудливые тени — ветки за окном тянулись к стенам, как скрюченные пальцы.

К утру веки стали тяжёлыми, но сон так и не пришёл.

Я решила пойти в таверну.

Одна. Ранним утром, пока все спали.

Солнце ещё только начинало золотить верхушки сосен, когда я уже была одета. Надела ту же рубаху Златы, сверху накинула плащ, подпоясалась. Кинжал — на всякий случай — сунула за пояс.

Я тихонько, едва касаясь деревянными половицами, пробралась к двери. Замок был старый, с язычком, который противно скрипел. Я действовала медленно — придержала дверь рукой, чтобы не хлопнула, нажала на щеколду и потянула на себя. Скрипнуло, но тихо — как мышь под половицей. Я замерла, прислушиваясь. В доме было тихо.

Выдохнула и выскользнула на улицу.

Утренний воздух был холодным и чистым, пахло росой, прелой листвой и чем-то сладким — то ли цветущие яблони начали распускаться, то ли просто трава после ночи дарила свой первый утренний запах. Роса на траве искрилась, будто

кто-то рассыпал мелкие стеклышки. Где-то далеко прокричал петух, и ему ответил второй.

Моё сердце стучало ровно, но с каждым шагом всё тяжелее.

Таверна показалась из-за поворота — старая, бревенчатая, с покосившимся крыльцом и вывеской, на которой когда-то был нарисован весёлый охотник с рогатиной. Теперь краска облупилась от огня, и охотник выглядел так, будто его самого догнала смерть.

Я стала подходить ближе — и воспоминания нахлынули.

Вот здесь отец смеялся, когда Яков поперхнулся элем. Здесь мама сидела вечерами, вышивая на свету единственной свечи. Здесь Ульф впервые взял меня за руку — робко, неуверенно, но так тепло, что я потом неделю ходила с этой мыслью, как с занозой, которую не хотелось вытаскивать.

Я повернула голову и зажмурилась. Боль накатила такая, что перехватило дыхание. Не физическая — нет. Та, что живет где-то в груди, под ребрами, и сжимает сердце ледяными пальцами.

И тут я почувствовала что-то ещё.

Сново ощущение чего-то магии под ребрами.

Мариус тут и он ждет меня.

Я обошла таверну быстрым шагом — и увидела его одного.

Он сидел на корточках у задней стены, где была навалена куча сломанной мебели: треснувший стул, расколотая бочка,

дверца от печи. Мариус копался в земле, отодвигая щепки и доски. Сегодня он был снова в походной чёрной одежде — куртка, брюки, сапоги, но без оружия.

Он почувствовал меня раньше, чем я успела сказать хоть слово.

Мариус поднял голову и повернулся. Он увидел мой растерянный, заплаканный взгляд — я не успела вытереть слёзы. Он медленно выпрямился во весь рост, отряхнул ладони, и я заметила на его лице не ту хищную усмешку, что была раньше. Что-то другое. Грусть. Или усталость. Или и то, и другое вместе.

— Мне жаль, — прошептал он.

Я почти не слышала звука — но прочитала по губам. И почему-то поверила. Сейчас он не язвил.

Он перевёл взгляд на таверну, потом снова на меня.

— Я не знал всей твоей истории, — сказал он тихо. — Слышал лишь отголоски… — он замолчал, оглядывая обгоревшие стены. — Но вчера я слышал много сплетен. О тебе. О твоей семье.

— Уже три недели прошло как они не замолкают, — я подошла ближе, сравнялась с ним, тоже глядя на дом. — Будто поговорить больше не о чем.

— Конечно не о чем, — он криво усмехнулся, и улыбка эта была горькой, надломленной. — Люди всегда так. Чужая беда развлекает их больше собственной. Кто-то просто обсуждает, кто-то осуждает. Гибель, предательство, плохой

сын в семье. Всем интересно копаться в чужом грязном белье.

Я не стала спрашивать, про что он конкретно, но поняла, Мариус говорил о себе. Какая-то тень пробежала по его лицу, но он быстро спрятал её за привычной полуулыбкой.

— Кто я, Мариус? И кто ты? — спросила я, решая перевести тему.

Он повернулся ко мне, и в глазах его мелькнул огонёк — живой, заинтересованный.

— Ты слышала сказания о древесницах, Лея? — он наклонил голову, вглядываясь в моё лицо. — Хранительницах леса.

Я растерянно моргнула, мотая головой.

— Ты бредишь. Я дочь трактирщика, из плоти и крови. А не лесная дева из сказок.

— Я серьёзно, — сказал он. — И я думаю, что ты — одна из них. Или можешь стать.

— С чего ты взял?

— С того, что ты жива после того, что пережила. С того, что ты вышла из леса, когда другие бы не вышли. И с того, что я… — он запнулся едва заметно, — я чувствую в тебе что-то. Ты тоже чувствуешь, я знаю.

Он сделал пару шагов в сторону перешагивая грязь, продолжая рассматривать таверну.

Мы связаны с лесом. — продолжил он. — С его обитателями и духами. Я знаю только, что двересницы видят лес и

могут с ним говорить. Также ходят слухи — что они могут исцелять, заставить рану срастись, а хворь уйти из человека.

— Исцелять? — я невольно отшатнулась. — Это же... противоестественно.

— Об их силах написано мало, — он покачал головой. — А вот о том, как они исчезали, — много.

— Что написано? — я полностью развернулась к нему, жаждая продолжения. В груди колотилось что-то тревожное, но и жадное тоже.

Он промолчал и помотрел на меня, и в его взгляде появилась та самая хитринка, от которой хотелось или бежать, или бить.

— Всё расскажу, если пойдёшь со мной, — сказал он серьезно. — В храме мы найдем не только историю их смерти, но и то, как вернуть силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.